

№10

Октябрь 2010

ТРУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

БОРИСУ
КАЗИНЦУ

-80!

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДОО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Vanco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Канделаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Компьютерная графика и верстка
Давид Элбакидзе-Мачавариани

Допечатная подготовка
Алена Деняга, Нино Цитландадзе

№10⁽⁶⁰⁾
Октябрь 2010

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕЙ	ПЯТЬ ЛЕТ ПРОЛЕТЕЛИ НЕЗАМЕТНО	4
	САД	8
ЗНАЙ НАШИХ!	«КАЖДЫЙ ДОМ – СВОЯ РОДИНА, СВОЙ ОКЕАН...»	12
РУССКИЙ МИР	ПУШКИНСКИЙ БАЛ УДАЛСЯ НА СЛАВУ	15
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ	16
ФЕСТИВАЛЬ	СВОБОДНОЕ ПАДЕНИЕ ВВЕРХ	18
ПРИЗНАНИЕ	ЖИЗНЬ С МОЛНИЯМИ	22
О, СПОРТ!	ЭКЗАМЕН СДАВАЛИ ПРОФЕССОРУ	28
ДЕНЬ ПОБЕДЫ	НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ	32
ТРАДИЦИЯ	ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ИЗВЕСТНЫ	34
ДИАСПОРА	НА БЕРЕГАХ ВОЛГИ	37
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	ИНТЕЛЛЕКТУАЛ, КУЛИНАР, МЕНЕСТРЕЛЬ	40
ПЕРЕВОДИМ	НУ И ЧТО, ЧТО ТЫ РЫЖАЯ?	42
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	ЗАПОВЕДНИК ИСТОРИИ	46
НАСЛЕДИЕ	СИЛУЭТ	52
ИСТОРИЯ	«БЛАГОСЛОВИ, СОЗДАТЕЛЬ, ВСЕХ ПОЭТОВ И ИХ ВОЗЛЮБЛЕННЫХ»	54

На обложке - Народный артист Грузии Борис Казинец
в спектакле «Счастье, оно игриво».
Фото А.Сватикова

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гита Лордкипанидзе, Роин Мегрели, Нани Брегалдзе, Джансуг Чарквиани, Гулбаг Торалдзе,
Важа Азарашвили, Отар Мегвинетуахуцеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кагаралдзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия),
Александр Эбаноидзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркш (Израиль), Валентина Поликанова
(Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия),
князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

ПЯТЬ ЛЕТ ПРОЛЕТЕЛИ НЕЗАМЕТНО

Тбилисский академический русский драматический театр им. А. С. Грибоедова открыл 165-й сезон – в рамках II Тбилисского международного театрального фестиваля был показан спектакль «Гетто» Джошуа Собола. А спустя две недели грибоедовцы представили его на престижном международном театральном фестивале в Каире.

Кажется, мы недавно отметили 160-летний юбилей русского театра в Грузии, вспоминали его историю, актеров и режиссеров, принесших ему славу, принимали гостей – бывших грибоедовцев, известных деятелей культуры со всего света. И вот – новая юбилейная дата: 165! Пять лет пролетели почти незаметно.

Последнее десятилетие выдалось сложным. В юбилейные дни принято в основном вспоминать замечательное прошлое театра, но это, наверное, не совсем правильно. Как сказал горьковский Сатин, в карете прошлого далеко не уедешь! Тем более, если оказался в ситуации выживания в новой реальности.

Для русского театра действительно наступили непростые времена, что связано как с объективными, так и субъективными обстоятельствами нашего бытия. Но сейчас, в дни юбилея, хотелось бы поговорить не о проблемах, а об удачах театра имени Грибоедова последнего времени. А их было немало...

Что в первую очередь свидетельствует о жизнеспособности театра? Интересные, современные спектакли, которые могут составить конкуренцию самым лучшим постановкам. Это часто становится очевидным на международных фестивалях, во время гастролей.

Перелистаем страницы недавнего прошлого, поговорим о дне сегодняшнем.

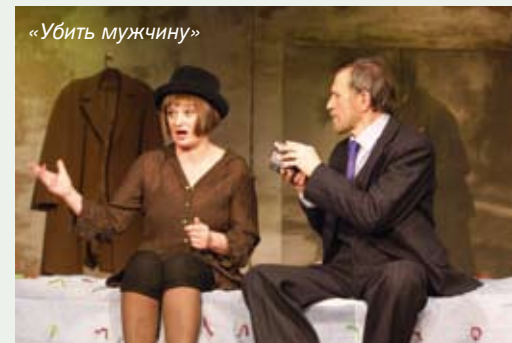
Более десяти лет театром руководит Автандил

«Мцыри»

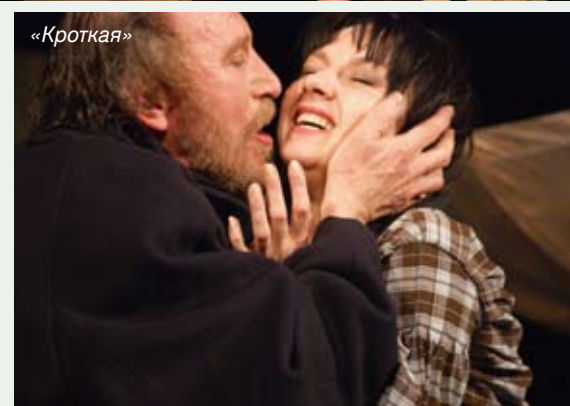
«Мастер и Маргарита»

«Убить мужчину»

«Две пары»

«Кроткая»

Варсимашвили. Он умеет соединить выразительную, часто эпатажную форму, динамизм с философской глубиной, что проявляется в лучших его работах – «Тереза Ракен», «Жизнь прекрасна», «Кроткая», «Мастер и Маргарита», «Хранители нашего очага»... Спектакли остро современны и в то же время затрагивают вечные, основополагающие вопросы бытия. Этим и привлекают внимание публики.

В программу Второго фестиваля русских театров стран СНГ и Балтии «Встречи в России. Русские театры на рубеже XXI века» был включен спектакль «Тереза Ракен» по Э. Золя. Это было в марте 2000 года. А 23 октября «Тереза Ракен» – участник Международного театрального фестиваля «Золотой лев» (Украина, Львов).

Обеспечивал аншлаги спектакль «Russian блюз»

в постановке А. Варсимашвили по произведениям В. Астафьева, Ю. Алешковского, В. Ерофеева, В. Шукшина. 9 апреля 2002 года спектакль принял участие в XII Международном театральном фестивале «Балтийский дом» (Санкт-Петербург).

Запоминающимся событием культурной жизни для петербуржцев стали также гастроли Тбилисского русского театра им.А.С.Грибоедова с моноспектаклем «Ангелова кукла» по произведениям Эдуарда Кочергина на сцене БДТ (режиссер-постановщик Д. Егоров) в марте 2007 года.

«Ангелова кукла»

перешагнула жанр воспоминаний. Мемуарные новеллы сложились в настоящий роман, текст которого оказался настолько самодостаточным и живым, что слушать его истории, рассказанные в театре, оказывается, не менее интересно, чем читать книгу. Классик отечественной сценографии Эдуард Кочергин оказался одаренным литератором, в Тбилиси об этом рассказывают со сцены», - читаем в газете «Коммерсантъ».

«Ирина Мегвинетухуцеси здесь во всех ролях сразу. Но главная роль — рассказчик. Иногда в повествование вкрапливаются игровые эпизоды. Отыгрываются они не напрямую, а как бы отраженным светом. Все происходит не здесь и сейчас, а там и тогда. Чувство меры и вкуса — отличительная черта этого спектакля», - пишет В.Церетели в «Петербургском театральном журнале».

Премьера другого моноспектакля «Желтый ангел», посвященного 115-летию со дня рождения А.Вертинского, состоялась в марте 2004 года на сцене Свободного театра (Тбилиси) при поддержке Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». 5 июня 2004 года «Желтый ангел»

принял участие в VIII Международном фестивале искусств им. М. Туманишвили «Подарок», 28 сентября 2004 года – в VIII Международном театральном фестивале «Белая Вежа» (Белоруссия, Брест), 2 октября 2004 года – в Международном театральном фестивале «Золотой Лев» (Украина, Львов).

Еще один спектакль в жанре моно – «Мне скучно, бес... Чур-чур меня» по драматическим произведениям А. С. Пушкина был представлен на II Международном театральном фестивале моноспектаклей «SOLO», который прошел в Москве в 2009 году. Автор и исполнитель – Валерий Харютченко.

Пятью годами раньше зрители Ростова-на-Дону, Новочеркасска и Шахт (Россия) аплодировали сразу четырем спектаклям театра имени А.С.Грибоедова: «Желтый ангел», «Принцесса и свинопас» по мотивам произведений Андерсена, «Жизнь прекрасна» по мотивам рассказов А.Чехова, «Кроткая» по мотивам рассказа Ф.Достоевского.

Спектакль «Кроткая» относится к числу долгожителей, он не раз был успешно представлен на различных фестивалях. 5 июня 2004 года принял участие в VIII Международном фестивале искусств им. М. Туманишвили «Подарок». 4 октября 2004 года - в фестивале «High Fest», проходившем в Ереване. 2 ноября 2005 года «Кроткая» отправилась в Омск, на IV международный фестиваль «Молодые театры России». А недавно был Саранск – V фестиваль русских театров «Соотечественники»...

По итогам последнего фестиваля появились публикации. Одна из них была напечатана в «Литературной газете». Наталья Старосельская написала: «Глубокое, сильное впечатление произвел спектакль «Кроткая» Ф.М.Достоевского Тбилисского государственного академического русского драматического театра им.А.С.Грибоедова. Выразительно и ярко сыгранный артистами И. Воробьевой и В. Харютченко спектакль открыл перед нами мир Достоевского – сложный, противоречивый, страшный мир, в котором все наивное, чистое, наполненное жизнью, обречено на гибель. Критики отмечали на обсуждении некоторые моменты «осовременивания» классики, подробно разбирали характеры героев, но для зрителей спектакль оказался необычайно волнующим. Вероятно, благодаря тому, что режиссер Автандил Варсимашвили сумел создать современную, эмоциональную и очень живую форму, не жертвуя содержанием этого грустного рассказа Ф.М. Достоевского».

Одним из лучших спектаклей, теперь уже ставшим историей театра, многими признана постановка «Жизнь прекрасна». Увы, с уходом из жизни Нико Гомелаури, блистательно сыгравшего в спектакле сразу три роли, мы попрощались с этой постановкой Автандила Варсимашвили. Вот как пишет о спектакле Т.Шах-Азизова: «На сцене, представившей русскую зиму, в заснеженном парке люди слоняются, объясняются, играют в снежки, составляя живую и подвижный фон, из которого вычленяются лица и эпизоды. Все эти обманутые супруги и мстители, свахи и блюстители порядка, помещики и банкиры мелькают в многонаселенном спектакле, пересекаются, сталкиваются, сменяют друг друга. Чеховский калейдоскоп нравов подан колоритно и смачно, с явным перебором краски, в духе сочной грузинской характерности, в жанрово-стилевых контрастах, что опять-таки близко грузинской традиции. Печаль и ра-

дость соседствуют, наслаиваясь друг на друга, - для нас смешно, а героям больно; фарсовые грубоватые сценки оттеняют другие – неторопливые, негромкие, сложные.

Скрепляет это все ощущение бестолковщины, даже абсурдности происходящего – русский абсурд, у Чехова очевидный и признанный. Диалог не впадает, о разном, фатальность непонимания, парадоксальный зигзаг сюжета. Парадоксальность самого названия из ранней чеховской юмористики – «Жизнь прекрасна» - применительно к нескладке житейской. В финале спектакля Нико Гомелаури прочитает эту чеховскую юмореску, одетый в смиренную рубашку, что не покажется странным – только безумец может назвать такую жизнь прекрасной.

Чехов у Гомелаури – полнокровный и темпераментный, земной и театральный, герой дан крупным планом. Но наряду с «Медведем», где «бурбон и монстр» Смирнов сыгран лихо и броско, есть эпизод «Враги», глубокий и драматичный. Гомелаури и Валерий Харютченко тревожно, горестно и человечно играют коллизию «люди врозь», неспособность услышать другого – и проblesки понимания и доверия.

И, наконец, спектакль «по мотивам». Этих слов нет в программке, и не знаю, имели ли его создатели это в виду - или мотивы эти обнаружились сами собой, а то и пригрелись мне. И все же...»

Феерическая «Ханума» А.Цагарели, приуроченная к 160-летию юбилею театра, тоже ушла в прошлое...

«Постановка А. Варсимашвили сильно отличается от знаменитой товстоноговской, - пишет Н. Каминская (газета «Культура»). - Грибоедовская сделана в Тбилиси 2005 года, пережившем и продолжающем переживать весьма несмешные перипетии. Видимо, от этого легкая, искрящаяся юмором пьеса, получившая в нынешнем варианте второе название «Поэма о старом Тбилиси», нагружена неким откровенно публицистическим звучанием. Сцены «отбивают» не легкомысленные кинто, а комедианты с набеленными лицами, которые уже в прологе зовут публику в тот Тбилиси, которого больше нет. Дранный князь Пантшавили, не имевший ничего, кроме титула, и богатый армянский купец, жаждущий заполучить герб, - что за конфликт, тем более антагонизм – по нынешним временам? Всем было хорошо, все любили друг друга. Здесь, в сутолоке базаров и духанов, обнаруживается и пьяньский Александр Дюма (его пребывание в Тифлисе – исторический факт), и развеселый Александр Сергеевич Пушкин (тоже, как известно, бывал), и Лев Толстой. Да и заканчивается спектакль не только свадьбами, а еще и сообщением об открытии русского театра.

...Ирина Мегвинетуцеси в роли Ханумы оставила сильнейшее впечатление – острая, зажигательная, суперсовременная актриса. Хорош и Акоп – Рамаз Иоселиани, играет мягко, без нажима, притом очень смешно. Ну и, конечно, Нико Гомелаури в роли Князя не мог не поразить воображения. Во-первых, молод, во-вторых, брутален (роли абреков уж точно созданы для него), в-третьих, обезоруживающе трогателен, ибо бородатое дитя, да и только».

Все помнят спектакль «Мастер и Маргарита», выпущенный в 2006 году и ставший хитом сезона, премьеру в ледяном зале театра имени А. Грибоедова, аншлаги в театре имени Ш. Руставели, на сцене

которого шел спектакль грибоедовцев чуть позднее!

Этот спектакль, как и «Хануму», к сожалению, никуда не вывозили. Да это и невозможно было по причине громоздкости декораций. А без них ни один, ни другой спектакль не представим.

Приступая к работе над «Мастером и Маргаритой», Автандил Варсимашвили ограничился наиболее значимыми эпизодами булгаковского романа. Выбранные же фрагменты воплощены им бережно и тщательно. При этом речь идет отнюдь не об иллюстрации эпизодов, а о новом, живом, неравнодушном прочтении.

На сцене огромный дом с мерцающими лазами-окнами (художник Мириан Швелидзе). Этот многоглазый символ связан с советскими реалиями конца нэпа (спектакль стартовал песней «Легко на сердце от песни веселой» и характерной бытовой зарисовкой, сразу вводя нас в атмосферу того времени). Обратная же сторона фасада дышит древностью и мифологией, отсылая нас к вечным категориям. На стыке двух миров, на пороге «двойного бытия» пребывает лишь Мастер.

Пространство сцены меняется вместе с героями. Это ощущение создается не только вращением сцены, но и постоянно меняющимся освещением. Сцена внезапно погружается во тьму, а затем снова озаряется мистическим светом окон.

Варсимашвили поставил булгаковскую историю не о московских Ромео и Джульетте и тем более не об эпохе нэпа. Режиссер сосредоточен на теме Художника и его создания, совести и предательства, актуальных и в иные эпохи.

Жаль, что спектакль мы больше не увидим. Ушли из жизни замечательный артист Джемал Сихарулидзе, сыгравший Понтия Пилата, Нико Гомелаури, воплотивший на сцене образ Воланда...

Потери, которые понесли грибоедовцы, не могли не отразиться на его жизни, репертуаре. И, тем не менее, выпускаются новые интересные спектакли.

Неизменным успехом у зрителей пользуются постановки режиссера Андро Енукидзе. Мы помним его «Избранник судьбы» Б.Шоу. Увы, недолго был в репертуаре спектакль «Две пары» по пьесе Я. Добревой. Зато сегодня на сцене театра имени А.Грибоедова идет «Достоевский.ru» - интересная работа режиссера, предложившего новый театральный язык.

Привлекают молодежную аудиторию постановки Вахтанга Николава, ученика А. Варсимашвили: «Карьера Артуро Ui», «Английский детектив». Они динамичны, зрелищны.

Удачной можно назвать работу Ираклия Апакидзе, поставившего «Эмигранты» С. Мрожека и сыгравшего в спектакле одну из главных ролей.

«Достоевский.ги»

«Гетто»

«Карьера Артуро Уи»

«Хранители нашего очага»

Украсил репертуар, правда, на очень короткое время, спектакль «Убить мужчину» Э. Радзинского. Режиссерский почерк Гоги Маргвелашвили, его вдумчивое погружение в текст позволили по-новому прочесть известную пьесу знаменитого драматурга.

Хотелось бы вспомнить и другие спектакли последнего десятилетия, которых сейчас нет в репертуаре театра: «Тартюф» Мольера (реж. А. Джакели), «Страсти по Гольдони» (реж. А. Варсимашвили), «Мистификатор» И. Гаручава и П. Хотяновского и «Самоубийца» Н. Эрдмана (реж. Д. Мгебришвили), «Пять вечеров» А. Володина (реж. Г. Шалуташвили), «Я, Булат Окуджава» (реж. А. Варсимашвили).

В последние годы в театре появились новые актерские лица: Анна Арутюнова, Мариам Кития, Софо Ломджария, Этери Маглакелидзе, Михаил Арджеванидзе, Арчил Бараташвили, Аполлон Кублашвили, Олег Мчедлишвили... А недавно в труппу влились вчерашние выпускники театрального вуза, которые заняты в спектакле «Гетто» вместе с опытными актерами: заслуженной артисткой Грузии Людмилой Артемовой-Мгебришвили, Наной Дарчиашвили, Аллой Мамонтовой, Михаилом Амбросовым, Станиславом Натенадзе.

Впереди – новые проекты.

- Мы решили выпустить к 165-летию нашего театра «Женитьбу» Гоголя. Эта пьеса, написанная в лучших традициях русского театра, дает возможность представить всех ведущих актеров, потому что замечательно написана – в ней выведены яркие, колоритные образы, - рассказывает Автандил Варсимашвили. - Вот я и остановил свой выбор на «Женитьбе». Спектакль выйдет к началу декабря. На днях приступаем к репетициям. Конечно, у меня свое видение пьесы, иначе я не обратился бы к ней. Хочу поставить спектакль о мечтах, иллюзиях, ведь мы все время мечтаем...

- А как с запланированным «Доктором Живаго»?

- Этот проект откладывается, что связано с проблемами финансирования. Ведь в моем представлении, «Доктор Живаго» должен быть эпическим спектаклем, отражающим эпоху. Мне нужны соответствующие декорации, конструкции, костюмы, живой оркестр. Для всего этого необходима большая сцена. Есть замыслы, за которые просто нельзя браться, если нет соответствующих ресурсов. Так в свое время было с «Мастером и Маргаритой». Я не брался за этот проект, пока не появились возможности. Несмотря на то, что давно мечтал поставить произведение Булгакова. Сейчас та же ситуация. Чтобы поставить «Живаго» нужны двойные, тройные расходы. А это на сегодняшний день просто невозможно. У нас довольно скромный бюджет. Но я думаю, что «Женитьба» - не менее интересный материал!.. А позднее мы приступаем к работе над спектаклем-сказкой «Морозко».

Задуман еще один любопытный проект – «Есенин и Айседора Дункан», приуроченный к юбилею поэта. Словом, нужно работать и пополнять репертуар новыми интересными спектаклями... В этом – гарантия жизнеспособности театра, его будущего.

Многие проекты театра имени А.С.Грибоедова осуществляются при поддержке Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», его президента и директора театра Николая Свентицкого.

Инна БЕЗИРГАНОВА

ЛАНА ГАРОН – ТЕАТРОВЕД,
ТЕАТРАЛЬНЫЙ КРИТИК, ЭССЕИСТ, ЗАВЛИТ
МОСКОВСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА
ИМ. К.С.СТАНИСЛАВСКОГО. ОКОНЧИВ
АКТЕРСКУЮ СТУДИЮ, ЛАНА ГАРОН ТРИ
ГОДА РАБОТАЛА АКТРИСОЙ В ТБИЛИССКОМ
РУССКОМ ТЮЗЕ. ЗАТЕМ БЫЛИ ГИТИС,
АСПИРАНТУРА ВНИИ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ,
СЕКТОР ТЕАТРА (РУКОВОДИТЕЛЬ
ДИССЕРТАЦИИ – К.Л.РУДНИЦКИЙ),
СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАКТИЧЕСКИ СО ВСЕМИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ИЗДАНИЯМИ,
ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛАХ И ГАЗЕТАХ,
В ТОМ ЧИСЛЕ В «ТЕАТРАЛУРИ МОАМБЕ»
- НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ. УЧАСТНИК
МЕЖДУНАРОДНЫХ СИМПОЗИУМОВ И
КОНФЕРЕНЦИЙ (БАДЕНВЕЙЛЕР, БУРГАС,
ВЛАДИКАВКАЗ, ВРОЦЛАВ, МЕЛИХОВО,
МОСКВА, СОФИЯ, ТАМПЕРЕ, ТБИЛИСИ,
ТОКИО, ЯЛТА), МНОЖЕСТВА ТЕАТРАЛЬНЫХ
ФЕСТИВАЛЕЙ, КАК ОТЧЕСТВЕННЫХ, ТАК И
МЕЖДУНАРОДНЫХ.

САД

Расшатавшийся век на излете. Он требует осмысления.

Свой приход в Грибоедовский театр в качестве главного режиссера Кавтарадзе ознаменовал постановкой в 1992 году «Вишневого сада» А.П.Чехова.

Крупный, размашистый и четкий режиссерский почерк Кавтарадзе, его трезвое отношение к персонажам и свободное прочтение классического текста со всей определенностью демонстрируют, что он не питает иллюзий по поводу происходящего. Самое интересное в спектакле то, что не вполне соответствует представлениям о «чеховском стиле». Перед нами и не тот случай, когда постановщик, зная, «как надо», сознательно искажает пьесу, нагружая ее несвойственными для нее мотивами, выворачивая на свой лад ради оригинальничания и самопоказа. Для этого режиссера, в это время, в этой стране (добавим еще: в этом театре и с этими артистами) его

решение - со смещенными акцентами, новыми ударениями и неожиданными зазорами - естественно и единственно возможно. Именно здесь кроются удача и художественная правда.

На премьеру «Вишневого сада» я добиралась из Москвы с большими препятствиями и даже мучениями. Когда, наконец, самолет приземлился в Тбилиси, стояла глубокая ночь. Из аэропорта меня подбросил на машине некий Дима – молодой че-

Председатель СТД Грузии Гоги Кавтарадзе

ловек в высококепарике и с автоматом в руке: гвардеец. Все патрульные посты пропускали нас без проверок – Дима высовывал в окно автомобиля автомат и поднимал его вверх, гвардейцы поднимали вверх свои автоматы и широко улыбались. Выстрелы по ночам. То частые, как из пулемета, то одиночные и глухие, где-то далеко, и словно ненастоящие, «как в театре». Люди прислушиваются и обыденными голосами констатируют: «А-а, это на набережной!» или «У моста перестрелка!». Они уже привыкли и ничему не удивляются. Рассказывая о чем-то, они говорят: «Во время войны...» или «Это когда война еще только начиналась...» Я всякий раз забывчиво переносюсь мыслями в 41-й год и всякий раз снова с изумлением и ужасом понимаю, что война здесь прошла только что, что они ее только что пережили. В доме режиссера Лейлы Джаши мне дали подержать пулю, которая влетела к ним в окно, по счастью никого не задев. Главный редактор журнала «Театр и жизнь»

Гурам Батиашвили раздвинул шторы в кабинете и показал след в стекле от точно такой же случайной пули. В центре города на Руставели – остовы зданий, полуобгоревшие дома, развалины. По ночам – выстрелы, но днем – бодрый стук каменщиков, всюду лебедки и краны. Некоторые дома обнесены большими заборами, за которыми угадываются развалины, но уже многие – в строительных лесах. При свете солнечного дня эта картина на редкость оптимистична. Она вселяет бодрость и уверенность, что народ, нация победят разрушающую силу.

Русский профессиональный театр в Грузии существует с 1845 года. Весной 1846 года наместник Кавказа граф М.Воронцов обратился с письмом к директору императорских театров А.Гедеонову, а также к М.Щепкину с просьбой помочь в подборе актеров «для новоучреждаемой тифлисской сцены». Первым режиссером русского театра был назначен А.Яблочкин (отец знаменитой артистки Малого театра). Труппа оказалась настолько сильной, что в первые же сезоны были поставлены «Горе от ума» А.С.Грибоедова и «Ревизор» Н.В.Гоголя.

Первое, что бросается в глаза в «Вишневом саде» Кавтарадзе – его графичность. Не текучесть, не децентрализация, не размытость и неопределенность, свойственные чеховской поэтике, а напротив – некая подчеркнутость, завершенность. И в сценографии (Г.Гегечкори), и в характерах, и в режиссерских построениях и мизансценах. Две огромные темные рамы, предложенные в оформлении, используются режиссером изобретательно и разнообразно. В рамы входят персонажи, на черном фоне резко выделяются их фигуры, линии и рисунок движений и жестов; силуэты приобретают большую четкость и выразительность; два основных цвета спектакля – белый и вишневый – звучат интенсивнее.

Живописно расположившись в раме, Раневская с ее чадами и домочадцами представляет картинку – «Семейный портрет в интерьере». Слуги и гости, молча, как из театральной ложи, наблюдают за происходящим на сцене, и на реплику «Я купил!» Лопухин «срывает» аплодисменты... Кавтарадзе применяет здесь и прием «наложения» диалогов: в левой раме – Яша-Дуняша, в правой – Раневская-Гаев. Реплики звучат параллельно, почти одновременно, прорезая друг друга и высекая новый смысл... Достаточно бережно обращаясь с текстом Чехова, режиссер вдруг делает резкую перестановку в начале второго акта. Он выбирает разбросанные по всей пьесе фразы-самохарактеристики героев и соединяет их в один большой монолог каждого о себе. Получается система монологов всех по очереди в выпрямленном условном сценическом пространстве. Чехов всеми возможными способами уходил от приемов старого театра с его апартами и монологами. Он убирал условность и театральность, чтобы все, что мы узнаем о героях, складывалось само собой, в результате наших собственных наблюдений (как в жизни!). Здесь театр возвращает пьесу нового образца в лоно старой классической драмы, откуда она вышла. Но для режиссера более важна определенность. Герои уже не будут при нас формироваться, «делаться», они заявили свою главную тему и будут проявлять себя в ней.

В Тбилиси постоянно организовывались зимние сезоны русской драмы с гастрольными спектаклями мастеров русской сцены – М.Ермоловой, Г.Федотовой, В.Комиссаржевской, К.Варламова, братьев Адельгейм. С Грузией связаны многие мастера русского театра. В 70-е годы прошлого столетия, до поступ-

ления в Малый театр, здесь играли А.Ленский и О.Правдин; в 1871 году А.Яблочкина, шести лет от роду, сыграла мальчишка Петю, а в сезон 1885-1886 годов дебютировала в роли Катарины в «Угрошении строптивой» У.Шекспира; в сезон 1916-1917 годов в ролях драматических героинь выступала М.Роксанова, ученица В.Немировича-Данченко, первая мхатовская Нина Заречная, она сыграла Сарру в «Иванове» и Машу в «Трех сестрах» А. Чехова.

В Тбилиси всегда было единое культурное пространство.

В 30-е годы, когда у армянской труппы еще не было своего помещения, раз в неделю ей предоставлялся театр имени Руставели. В сезон 1932-1933 годов именно в помещении грузинского театра имени Руставели в армянском спектакле «На дне» М.Горького артистка тбилисского русского театра Е.Сатина сыграла роль Василисы на русском языке. В сезон 1958 года в театре имени А.С.Грибоедова Верико Анджапаридзе играла на русском языке Бабушку в пьесе А.Кассоны «Деревья умирают стоя». В творческий вечер И.Русинова сцена объяснения Нины и Арбенина в «Маскараде» М.Ю.Лермонтова звучала на двух языках – роль Нины играла грузинская актриса. Свою последнюю в жизни роль выдающийся русский артист А.Смирнин сыграл на грузинской сцене, в театре Руставели, в драме Р.Табукашвили «Денбургские колокола».

Грузия дала русскому театру А.Сумбаташвили-Южина, К.Марджанишвили, В.Немировича-Данченко, Г.Товстоногова, П.Луспекаева, Е.Лебедева, К.Шах-Азизова, Д.Бадридзе, Ю.Шевчука, Н.Чонишвили, Т.Чхеидзе, Р.Габриадзе...

Из ослепительно сияющего далекого тбилисского детства, из его разреженного воздушного пространства помню: «Врублевская... Брагин... Нато Вачнадзе... Беленко... Хорава... Папазян... Мюфке...» - это мама и бабушка разговаривают о театре. Я еще не знаю, что значат эти слова, что это просто фамилии артистов, но произнесенные с таким пиететом и восхищением они представляются в моем младенчестве чем-то сказочно прекрасным. Как и слово «театр». »В тридцатые годы, - говорит бабушка, значительно поджимая губы, - Лещинская приезжала со своим гардеробом. Ах, как она умела носить платья!» И я представляю себе что-то огромное, почти великаншу, несущую на себе наш старинный гардероб. Имена русских, грузинских, армянских артистов всегда звучали на равных. Одинаково ходили и на тех и на других. Сравнивали Бурмистрову, Беленко и Меду Джанпаридзе, Отелло Чабукиани с Отелло Хоравы и Папазяна, Фердинанда Урусова с Фердинандом Русинова... Конечно, Васо Годзиашвили. Конечно, Верико... В Тбилиси – единое культурное пространство. Это я поняла позже. Согласие и достоинство определяют здесь истинные пропорции жизни.

Епиходов (В.Семина) – очень молодой человек, почти мальчик, задумчивый, бесконечно печальный. Наверняка он пишет стихи. Его нелепые фразы вызваны глубокой сосредоточенностью на чем-то своем: словно он вдруг вслух произносит осколки того, что у него в мыслях. Смешной чеховский текст звучит у него вовсе не смешно, а скорее наивно и беспомощно. Вспоминается Чарли Чаплин. Еще больше – Мышкин. Он чувствует непорядок в мире: потому у него все валится из рук, потому он так вздрагивает, потому так серьезен и печален. Его можно назвать недотепой. На самом деле это один из самых трагических

образов спектакля. Белый клоун. Пьеро. Блоковский персонаж...

Яша (В.Захаров) совсем не похож на лакея. Уже немолодой, вполне респектабельный «господин», внешне не пошлый, скорее, значительный. Его просьба о Париже - осмысленная просьба. Яшу вполне можно было бы принять за Симеонова-Пищика...

Одетый во все белое, в легкой серой шляпе и в черных очках элегантный корректный Прохожий (М.Амбросов)...

Благородный, даже величественный Фирс (М.Иоффе)...

Прелестная, женственная Раневская (Е.Килосанидзе): не трагическая героиня - обыкновенный человек, милая женщина. Но от созерцания этой смеси простодушия, неумелости и какой-то трогательной отваги сжимается сердце... Рядом - умная, изысканная, с пахитоской в длинном мундштуке, слегка загадочная Шарлотта (Л.Мгебришвили). Несомненно, подруга Раневской. Кажется, она знает и предчувствует много больше остальных. И когда в сцене бала Шарлотта вдруг замирает, прислушивается и неожиданно резко говорит: «Конец фокусам!», становится ясно, что именно в это мгновение вишневый сад был продан... Гоги Кавтарадзе намеренно подчеркивает внешнюю неотличимость разных групп и сословий, господ и слуг, интеллигентов и хамов. Внешне все «подравнялись», все похоже. В его замысле это один из важнейших современных мотивов.

В антракте Гига Лордкипанидзе шел между рядами кресел и темпераментно, оживленно говорил, почти кричал Этери Николаевне Гугушвили: «Этери, мы видели с тобой Книппер и Качалова! Слушай, Этери, какие мы с тобой древние!» ... Дом режиссера Лейлы Джаши - отдельная поэма! Это квартира потомственных тбилисских интеллигентов, где современное сегодняшнее органично переплелось со старым, старинным и старомодным. Здесь полно фотографий и дагерротипов начала века - курортных, кабинетных, шуточных, актерских... Все стены увешаны картинами. Мать Лейлы, хозяйка дома, Нина Николаевна Попхадзе - талантливый грузинский художник. Художник и отец Лейлы. А дедушка был известным в городе психиатром. Шкафы с книгами. Ширмы китайского образца, каких давно нет в продаже, и какие мало у кого оста-

лись... Безделушки разных времен и дорогие украшения... Изысканная мебель. Большой темный буфет. Рояль. На окнах - цветы. Ставни, открывающиеся внутрь. Небольшой «тифлисский» балкончик, на котором, как водится, сушится белье. Даже в эти трудные годы здесь вкусно готовят, и традиционные грузинские блюда - не лакомство, а пища: так питались деды... Дом, в котором приятно бывать, который собирает в дни премьер и домашних празднеств множество друзей. Он прямо-таки источает ощущение уюта, обжитости. Или - человеческой нормы, что так свойственно полноценным тбилисским квартирам...

В 1934 году стационарный русский профессиональный театр в Тбилиси получил имя А.С.Грибоедова. В 1935 году театру было предоставлено помещение в перестроенном и отделанном заново здании бывшего клуба Грузинского дворянства. Несколько лет назад на том же месте было построено новое здание русского театра.

В 30-е годы Котэ Марджанишвили поставил в тбилисском русском театре «На дне» М.Горького. В сезон 1932-1933 годов А.Попов поставил пьесу Н.Погодина «Мой друг»

В 1935 году состоялась премьера дипломного спектакля Г.Товстоногова «Дети Ванюшина» Найденова. Г.А.Товстоногов проработал в Грибоедовском вплоть до 1945 года.

В 1953 году Л.Варпаховский выпустил «Чайку» А.П.Чехова, а в 1954 году - «Дни Турбиных» М.Булгакова. В разные годы здесь работали режиссеры: Г.Лордкипанидзе, П.Фоменко, А.Гинзбург, А.Товстоногов, Г.Жордания...

В спектакле есть главное действующее лицо - Лопахин (Д.Сихарулидзе). Он - главный, потому что он действует, а другие - нет. Он становится центром притяжения и отталкивания всего, что происходит. Все остальные персонажи рассматриваются не столько сами по себе, сколько в их связях и пересечениях с Лопахиным. Деловой, трезвый человек, коммерсант, нисколько не романтик и не лирик. Цветущий мак не вызывает у него восторга (как было у Владимира Высоцкого), слова звучат вяло и тускло. Но зато выпукло, «вкусно» Лопахин произносит прозаическое: «Все равно циркуляция дела не в этом».

Варя (И.Квицинадзе) - полнеющая женщина не первой молодости, также лишена всякого романтизма. Экономка, ключница. Угадываются давние, вполне определенные, отношения ее с Лопахиным. Потому ее и дразнят. Потому она и надеется на его предложение.

Но у Лопахина другие жизненные задачи, другие планы. И эта Варя ему не нужна. Он охотно откликается на просьбу Раневской поговорить с Варей - ему и самому необходимо поставить все точки над «и». Фраза «В прошлом году об эту пору снег шел, а теперь тихо и солнечно» наполняется новым для нас смыслом: как все переменялось с прошлого года. При этом Лопахин делает двусмысленный непристойный жест, говорящий об их грубоватых интимных отношениях. Этот Лопахин имеет виды на Аню, и Аня (И.Мегвинетухцеси) очень замаскировано, но отвечает ему. Жизнь с Петей (Э.Кухалейшвили), ничемным революционным пустословом, лишенным здравого смысла и основательности, ее не прельщает. Она пытается вернуть его к реальности, но безуспешно. Их общие мизансцены Кавтарадзе всегда выстраивает так: впереди - Аня, за ней - Петя. Она устремлена в новую жизнь, которая для нее значит нечто другое, чем для Пети Трофимова.

Старое здание Грибоедовского театра

В этом распадающемся на части мире, о котором рассказывает спектакль Гоги Кавтарадзе, Ане нужен человек устойчивый, могущий поддержать. Аня - персонаж нашего времени: она трезва и обыденна. Обыденность – ее главная черта. В большом монологе, который в прежних спектаклях всегда звучал возвышенно и лирически, у тбилисской Ани - лишь холодная, ясная и спокойная констатация факта: Начинается новая жизнь, мама. Как данность, как фиксирование случившегося. С тем же каждодневно сталкиваются и зрители тбилисского спектакля: началась новая жизнь, она требует каких-то иных, новых качеств, надо научиться жить по-другому, научиться покупать и перепродавать, научиться считать деньги... И слова Гаева (В.Харютченко) «Я – банковский служака, я – финансист» воспринимаются, как узнаваемые сегодняшние реальные проблемы. То время кончилось. Начинается другое. Вот деловой и трезвый посыл Ани. «Мы насадим новый сад!» - в голосе ее звучит ярость, но лицо обращено к Лопыхину. В сценической чеховиане – это новый и любопытный мотив, который мог появиться только в конце нашего – 20-го – века.

Лопыхин не пьян. Он деловито пересказывает перипетии покупки сада, перебирая в памяти подробности и детали и, обернувшись к Ане: «Осталось за мной!» Последний штрих в истории этих необычных сценических отношений: ключи, которые бросила Варя, Лопыхин передает Ане.

Сегодня русский тбилисский театр имени А.С.Грибоедова испытывает те же сложности и невзгоды, что и все тбилисские театры: частые отключения электричества, холод, трудности со зрителем из-за транспорта и криминальной обстановки, необходимость играть спектакли лишь в дневное время и всего два раза в неделю.

В декабре 1994 года состоялись «малые гастроли» театра в Москве – два спектакля: «Принц-горбун» Ф.Кони и «Будьте здоровы» П.Шено, а также литературная композиция о Нине Чавчавадзе. «Вишневый сад» привезти не удалось из-за отсутствия транспорта для декораций. Спектакли игрались в помещении обоих МХАТов, в Доме актера, в Новом Театре, на Таганке, в Театре имени Моссовета, в Театре Сатиры, в Московском ТЮЗе, в Театре кукол имени С.Образцова и на площадках домов культуры.

На улице я случайно встретила с другом дворового детства – Кобой Э., теперь солидным мужчиной, врачом по профессии. Он окликнул меня детским именем с полувопросом в интонации. И мы расцеловались. Прощаясь, я сказала ему: »Знаешь, если спустя столько лет мы с первой же минуты узнаем друг друга, наверное, с нами пока все в порядке...»

В Кашветской церкви, где меня когда-то крестили, в этот срединный дневной час народу было немного. Но люди, самых разных возрастов – от совсем юных до глубоких старух и старцев, постоянно заходили и ставили свечи. Некоторые ненадолго задерживались и тихо стояли у стен. Многие плакали. О том, сколько здесь перебивало за утро людей, говорило количество свечек на раскаленных подсвечниках. Стоял жаркий летний тбилисский день, и свечи начали таять, размякли, «потекли». Они уже не стояли, а согнулись, перекрутились, припали друг к другу, держались друг другом. Но продолжали гореть в этих странных, изломанных позах, напоминая фигурки людей и вызывая непонятное, почти мистическое чувство... В финале, после звука лопнувшей струны в рамках появились персонажи спектакля. Они стояли спинами к нам и с вытянутыми вверх руками. Но вот зазвучали

Сцены из спектакля «Вишневый сад». 1992

резкие звуки – рубили деревья. И с каждым ударом руки падали, как подрубленные деревья. Или люди?.. Потом внезапно фигуры повернулись к нам: на всех были белые маски, и руки были опущены с открытыми к нам ладонями.

Несколько лет тому назад, когда Карабах был одной из самых горячих точек, приехавший из Тбилиси Темура Чхеидзе рассказывал: «Знаешь, многие армянские и азербайджанские семьи сейчас подкидывают детей в наши грузинские селения. Они оставляют своих младенцев прямо на крылечках. Их забирают в дом, не зная, кто они по национальности – армяне, русские, азербайджанцы, кто их родители, и как их зовут... Просто детей надо спасти. Ты представляешь, какое доверие к нам, к грузинам! Какая уверенность, что дети будут накормлены, уложены спать, выращены!.. Что им ничто не угрожает!.. Я горжусь и понимаю, какая это ответственность... И как же мы должны жить, чтобы не потерять доверия!..»

1996 г.
Лана ГАРОН

«КАЖДЫЙ ДОМ – СВОЯ РОДИНА, СВОИ ОКЕАН...»

«Забить Герострата»

Моя встреча с Борисом Михайловичем Казинцом в Тбилиси – после долгого его отсутствия, связанного с эмиграцией в США, - произошла в прошлом году. На III международном русско-грузинском поэтическом фестивале, организованном «Русским клубом». Тогда артист выступил в моноспектакле «Похождения Чичикова» по мотивам «Мертвых душ» Гоголя и заставил многих зрителей среднего и старшего поколения вспомнить роли, некогда сыгранные им на сцене Тбилисского русского драматического театра имени А. С. Грибоедова. А вспомнить было что – народный артист Грузии Борис Казинец был ведущим актером грибоедовской сцены и создал запоминающиеся, образы в спектаклях «104 страницы про любовь», «Миллионерша», «Цезарь и Клеопатра», «Райские яблочки», «Энергичные люди», «Закон вечности», «Час пик», «Человек, который платит», «Доходное место», «Заплыв по реке забвения»... Список можно продолжать долго.

А потом была эмиграция. Оказавшись за границей, люди чаще всего вынуждены распрощаться со своей профессией. Особенно, если она связана с творчеством. Тем более, если на новом месте приходится стартовать, будучи отнюдь не «юнцом безусым», а уже зрелым мужем. Подобное развитие сюжета предсказали и Борису Михайловичу. Но история самого Казинца развеяла традиционные представления о судьбе эмигранта в Америке: он не просто продолжает служить Мельпомене, но еще и осваивает новые творческие горизонты, пробуя себя в разных качествах. При этом окружающие, как и сам Борис Михайлович, совершенно забывают о его фактическом возрасте... Как никак, уже 80 лет отмечает! И при этом блистает в моноспектаклях, что требует от актера огромного самообладания, а также здоровья, здоровья и еще раз здоровья (о таланте уж говорить не приходится!)... Еще бы: ведь выходя один на один со зрительным залом, драматический артист, по сути, работает без страховки.

В нынешнем году художественный руководитель Театра русской классики в Вашингтоне Борис Казинец выступил в моноспектакле «Счастье, оно игриво» по мотивам «Повести о рыжем Мотэле, господине инспекторе, равнине Исайте и комиссаре Блох», произведений О.Мандельштама, О.Левецкого, А.Твардовского, Ю.Рихтера и Т.Влади (в рамках IV международного русско-грузинского поэтического фестиваля). Будучи автором инсценировки, режиссером-постановщиком и исполнителем в одном лице, Борис Михайлович вышел

за рамки «Повести о рыжем Мотэле» – нафантазировал, что было бы, если Иосиф Уткин не погиб в 1944 году, а дожил до наших дней. Что могло произойти с его героем Мотэле? Казинец придумал интересный поворот дальнейших событий: 37-й год, война, плен, эмиграция... А воплотил этот смелый замысел в поэтическую форму поэт и драматург Заур Квижинадзе. Так родился сценический образ «вечного Мотла» – «бездвременного и проклятого изгоя», прошедшего огонь, воду и медные трубы и всю жизнь спасающегося упорным трудом.

– Уткин – это же сплошные афоризмы! – считает Борис Михайлович. – Чего стоят хотя бы такие его строки: «Сколько домов пройдено, Столько пройдено стран. Каждый дом – своя родина, Свой океан». Но это же гениально!

Или... «Но на морозе голого долго не греет дым»; «И он опустил голову – голову без бороды»; «И собака умеет плакать, плакать, как плачем мы»; «Если хочешь хохотать, то непременно плачешь». Просто Уткина сегодня мало кто знает.

Родилась инсценировка в том виде, в каком она существует сегодня, из самого простого факта. Когда Борис Казинец однажды вновь прочел поэму и сказал себе: «Надо это сделать!», то его уверенности хватило на тридцать минут. Как бы он ни играл, что бы ни делал на сцене, спектакль длился не более получаса: материала на большой объем попросту не хватало. И тут у Казинца возникла идея: продлить события поэмы. Поскольку Уткин погиб в 1944 году, то неизвестно, что было бы с ним после Великой Отечественной войны. Со своим политическим темпераментом он бы, возможно, вошел в антифашистский еврейский комитет, и был бы репрессирован как многие.

«А что было бы, если бы Уткин продолжил поэму? – задал себе вопрос Борис Михайлович. – Кстати, поэт был убежденным комсомольцем, верил в коммунистическую идею. Поэма заканчивается потрясающими стихами, в духе времени. Удивительно искренними, чистыми: «Милая, светлая родина, свободная родина! Золото хуже меди, Если рукам верите... И Мотэле Не уедет, И даже В Америку. Не-ет, он шагал недаром В ногу с тревожным веком. И пусть он не комиссаром, Достаточно – Че-ло-ве-ком! Можно и без галопы К месту приехать: И Мотэле будет штопать Наши прорехи. Милая, светлая родина, Свободная родина! Сколько с ней было пройдено, Будет еще пройдено!!!»

А дальнейший сюжет придумал сам Казинец. В

«Доходное место»

«Час пик»

1937 году его герой не погиб – просто повезло: никто на него не донес! Но его, ставшего комиссаром, выгнали со службы, а контору – закрыли. Остался Блох на мели и снова стал портным. Борису Михайловичу нужно было подчеркнуть именно эту мысль – что иголка с ниткой спасла Мотэля.

- Ремесло его спасло – не идея! Конечно, Мотэлю воевал, как и мой отец. Но самое важное в человеческой жизни – это обыкновенный, честный человеческий труд. Жить, выживать – значит, шить. «Я с радостью буду штопать все наши прорехи, что бы ни было в нашей стране...» - говорит рыжий Мотэль.

Борис Михайлович поставил этот спектакль по «зову души», посвятив его своим деду, отцу... и всем дедам и отцам. Замысел созрел с годами. Казинцом сыграно за свою жизнь более 250 ролей, самых разных, но вот еврейская тема в его творчестве до сих пор не звучала. Борису Михайловичу как актеру не удалось прикоснуться к произведениям классика еврейской литературы Шолом-Алейхема – не ставили. Правда, он принимал участие в мюзикле «Молдаванка, Молдаванка» Александра Журбина, в основе которого – «Закат» Бабеля.

- В этом спектакле была изумительная музыка, - вспоминает Борис Михайлович. - Я играл Арье-Лейба. Вот этого героя я и взял в свой моноспектакль «Счастье, оно игриво», чтобы как бы через него рассказать историю рыжего Мотэля. Однажды вспомнил, что еще в школьные годы прочитал «Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, раввине Исайте и комиссаре Блох» Иосифа Уткина, знал ее наизусть. Уже оказавшись в Америке, я написал сценарий по мотивам этой поэмы для нашего театра и прочитал его своим артистам. Обычно в такой ситуации каждый актер прикидывает, что будет делать, кого играть в спектакле. Но когда я прочел свою композицию по Уткину, мои артисты поняли, что в ней нет собственно ролей – кроме Мотэля. Я поначалу стремился создать фейерверк, чтобы в спектакле были заняты человек двадцать, чтобы анекдоты, байки разыгрывались в лицах. Это было бы здорово... Но ребята отнеслись к этой задумке без особого энтузиазма... А если так, то что я мог с ними поделаться? И я поставил с актерами «Закат» Бабеля...

Но Казинец не отказался от выношенного замысла, осуществив его в форме моно.

По словам Бориса Михайловича, саму идею моноспектакля как жанра подсказал ему директор театра

имени А. С. Грибоедова, президент «Русского клуба» Николай Свентицкий еще в 2008 году, напомнив, что в 2009-м исполняется 200 лет со дня рождения Николая Васильевича Гоголя.

Ни для кого не секрет, что именно форма моноспектакля позволяет актеру максимально раскрыться, показать все свои возможности. Тем более, что Борис Михайлович, слишком много времени посвящающий возглавляемому им Театру русской классики, режиссерской, организационной работе (вместо того, чтобы играть, играть, играть!), соскучился по родному актерскому ремеслу. Напомним, что Театр русской классики, который раньше назывался театр Бориса Казинца (ТБК), существует вполне официально. Впрочем, название «Театр русской классики», в общем, условно: здесь ставят не только произведения русских классиков, но и, к слову, Шекспира...

Настаивала на необходимости актерской самореализации Казинца и его жена Светлана (удивительно сильный, умный и верный человек), иногда чуть ли не мечтавшая, чтобы Борис Михайлович оставил театр и занялся, наконец, собой. Ведь в своем коллективе ему приходится быть и режиссером, и художником, и администратором (словом, и швец, и жнец, и на дуде игрец)... Заниматься собой, своей актерской судьбой ему просто некогда!

Но однажды Казинец все-таки сказал своим артистам: «Передохните, а я немного займусь собой!» И «занялся собой» – на радость всем нам! В постановке по «Мертвым душам» он вылепил 21 образ, а в спектакле «Счастье, оно игриво» образов оказалось еще больше... если взять все байки и их персонажи... Вот как пишет о Борисе Казинце, выступившем в «Похождениях Чичикова», Альберт Плакс: «Дальше случилась фантазмагория. Казинец исчез!.. И начался многолюдный спектакль с многочисленными действующими лицами... В своей жизни я посмотрел достаточно много театральных представлений и со многими действующими лицами и исполнителями, и моноспектакли. Но утверждаю совершенно откровенно: такого я никогда не видел! Пытаюсь вспомнить, где пришлось видеть подобное. Вспомнил незабвенного Аркадия Райкина, с которым мне выпало счастье близко общаться. Он был великий мастер перевоплощения! Поначалу работал с масками, которые менял с появлением каждого нового персонажа. Потом оставил маски и начал мгновенно перевоплощаться без оных. Но всегда это были

«Завтрак с неизвестными.»

«Цезарь и Клеопатра.»

«Счастье, оно игриво»

«Требуется лжец.»

монологи. Представил одного персонажа, «выдал» его характерный монолог, мгновенно переходил к следующему персонажу, практически никогда не возвращаясь к предыдущему. В спектакле Бориса Казинца, им же придуманном, написанном и поставленном, тоже не было никаких масок, и перевоплощения были мгновенными. Они были даже ультрамгновенными и также ультрамгновенно совершался возврат к предыдущему (или предыдущим) персонажу. Эти переходы происходили так мгновенно, что возникала иллюзия действия на сцене многих персонажей одновременно! Настоящая фантазмагория!»

- Вспоминаю Ираклия Андроникова, который тоже был един во многих лицах, но в его театре одного актера не было ни реквизита, ни костюмов, ни мизансцен – он выступал просто в качестве рассказчика, - говорит Б. Казинец. - Но это уже ближе к тому, что делаю я, – об этом писала известный театровед Белла Езерская. По ее словам, мои выступления по формату - моноспектакли, а по жанру... пока трудно определить что это. Мне дороги слова известного поэта-барда Вероники Долиной, посмотревшей мое «Счастье» в Тбилиси: «Боря, не говорите мне ни о ком: ни об Уткине, ни о домиках на сцене, ни о музыке... Когда вы вышли на авансцену, мне больше ничего не надо было. Я смотрела, как этот человек на глазах трансформируется, и с каким вкусом все это делается, так что артист нигде не переходит границу! Тем более, что еврейская тема такая благодатная. Меня безумно заинтересовало, как актер перевоплотился в такого-то человека, и этот человек от своего лица показывал разных героев!»

Запоминающимся было решение сценического пространства. В соответствии со строками Уткина о доме («Сколько домов пройдено, Столько пройдено стран. Каждый дом – своя родина, Свой океан») Борис Казинец выстроил на сцене несколько домов – на одном красуется лозунг «Вся власть Советам!», другой представляет синагогу, на третьем изображена американская Статуя Свободы... А на авансцене – швейная машинка, символизирующая труд. Спасительный, облагораживающий, дающий силы жить и выживать в самых невероятных обстоятельствах. Даже в эмиграции Мотэле продолжает шить... Это – гарантия стабильности в самое что ни на есть не стабильное время.

Не проводя прямых параллелей, хочу все-таки отметить, что и Борис Михайлович в самых сложных, нестандартных обстоятельствах жизни спасается трудом, творчеством. Им тоже пройдено немало «домов», но Борис Михайлович везде и всегда, как рыжий Мотэле, служит своему богу, своему ремеслу – Театру, актерской профессии.

Инна БЕЗИРГАНОВА

ПУШКИНСКИЙ БАЛ УДАЛСЯ НА СЛАВУ

Пушкинский конкурс – для педагогов-русистов событие особой важности. Это шанс еще раз рассказать миру о себе, своей жизни и работе, радостях и проблемах, ведь работа учителя не кончается со школьным звонком, она продолжается полные сутки, всю жизнь. Сегодня, когда русский язык в ближнем зарубежье имеет статус иностранного судья его складывается непросто: сокращается количество часов, нет качественных учебников, а главное – его востребованности. Сегодня преподавать русский в публичной школе настоящее подвижничество.

X Международный Пушкинский конкурс для учителей ближнего зарубежья, Болгарии, Германии и Израиля 2010 года - «Большая перемена. Какую «поддержку и опору» русский язык находит в вашей стране и вашей школе?» выявил трех победителей из Грузии и какая радость – двое из них члены нашего общества «Соотечественники» - преподаватели русского языка Дареджан Немсадзе (публичная школа №40, г. Кутаиси) и Раиса Уткина (публичная школа №4, г. Цхалтубо, ныне пенсионерка). Мы провожали своих героев напутствуя, как можно больше увидеть, вобрать в себя все лучшее, что может дать Московская земля, познакомиться с современными методами преподавания и другими новшествами педагогики.

Награждение победителей конкурса состоялось в Москве, в рамках Дней города.

Рассказывает Дареджан Немсадзе: «Оргкомитет конкурса предложил довольно насыщенную и стремительную программу, такую же, как сам московский темп жизни. 3-7 сентября преподаватели из 18 стран жили одной большой дружной семьей в парк-отеле «Шереметьевский», где гостям были предоставлены комфортабельные номера и созданы все условия для прекрасного отдыха и общения друг с другом в неофициальной обстановке. 4 сентября в Белом зале Мэрии Москвы состоялась торжественная церемония награждения. Лауреатов приветствовали: первый заместитель мэра Москвы Л. Швецова, председатель Оргкомитета конкурса заместитель главного редактора «Российской газеты» Я.Юферова, известные ученые, ректора вузов, писатели, журналисты.

Лауреатам были вручены дипломы, памятная книга «Самые красивые места Москвы» и денежная премия. После награждения было множество интервью и в завершение мини-концерт чудесной исполнительницы Инны Разумихиной. Финальный аккорд – праздничный обед, где в более непринужденной обстановке победители познакомились друг с другом, с членами попечительского совета и жюри конкурса. Тосты следовали один за другим, песни – грузинская, украинская, болгарская, туркменская – сменяли одна другую, стихи, анекдоты, шутки... Всего не перечислить. Не было ни минуты свободного времени в течение всего пребывания в Москве. Посещение МХАТа, экскурсии по вечерней Москве, соборам Кремля, концерт в Александровском театре, на котором я выступила от имени грузинской делегации и поздравила всех с Днем Москвы, пожелала мира, дружбы и взаимопонимания.

Седьмого сентября делегации оставляли столицу, разъезжались нехотя, все сдружились, оказывается, соскучились по простому человеческому общению. Хочется отметить доброжелательное отношение хозяев к грузинской делегации, тепло, внимание и гостеприимство превзошли даже наше, грузинское. Всем огромное спасибо:

мэрии, оргкомитету, Фонду им.Юрия Долгорукого! Пушкинский бал 2010 года удался на славу! Как здорово, что учителя вне политики!»

Второму лауреату – Раисе Уткиной – особенно запомнилась прогулка по Москве-реке: «Экскурсовод описывала достопримечательности города, видные с нашего катера. Конечно, все было очень интересно, мы много узнали об истории города, много фотографировали, записывали, чтобы рассказать дома и в школе. Концерт Краснознаменного Академического ансамбля песни и пляски Российской армии им. Александрова не забываем, мы слушали Кобзона, Зельдина, Пахмутову. Вечерняя столица оставила массу впечатлений. Яркая, нарядная, иллюминированная Москва, совершенно другая, чем днем. Красота необыкновенная.

Особенно интересовало нас знакомство с образовательными учреждениями города. Грузинская делегация побывала в Пушкинском лицее №1500, где мы провели первую половину дня. Осмотрели лицей, кабинеты, оснащенные по последнему слову техники, а потом в актовом зале нам рассказали историю лицея, показали сцены из жизни учащихся, номера художественной самодеятельности. На уроке риторики нас удивила и восхитила речь и логика учащихся 10-х классов. Они говорят как дипломаты, рассуждают как философы. Очень сильная школа. Многие из ее опыта могут перенять учителя и предложить в своих школах!»

Этот год необычайно насыщен общением с Россией, нельзя не вспомнить поездку по «Золотому кольцу России».

Мы, представители Международного Союза русского общества «Соотечественники» города Кутаиси, люди, сделавшие свободный выбор в пользу духовной и культурной связи с Россией, русскоязычные, проживающие в Грузии, от всей души и сердца благодарим всех, кто представил нам уникальную возможность общения с Россией, подарил нам часы радости и счастья, новых друзей и соратников, а также чувства причастности к большому, могучему миру русского языка, культуры, истории. То, что несмотря ни на что, о нас помнят, любят, заботятся, желают видеть рядом за дружеским праздничным столом, прибавляет силы, надежду на прекрасное будущее, воссоединение народов-братьев, рожденных в святом православии, вере, надежде, любви! Долгие вам лета, дорогие друзья!»

Ядвига Юферова с лауреатами конкурса

Д.Немсадзе и М.Ахалкаци в Белом зале Мэрии г.Москвы

Ляна АРСЕНИДЗЕ

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ
«РУССКИЙ КЛУБ» ПРОВЕЛ
ПРЕЗЕНТАЦИЮ МУЗЫКАЛЬНОГО
АЛЬБОМА «СНОВА ПОЮ! НОВАЯ
ЖИЗНЬ СТАРЫХ РОМАНСОВ»,
ВЫПУЩЕННОГО К 110-
ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЛЕГЕНДАРНОЙ
ТАМАРЫ ЦЕРЕТЕЛИ.
АВТОРАМИ ИДЕИ СТАЛИ
ПРЕЗИДЕНТ «РУССКОГО КЛУБА»,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ
ИСКУССТВ РФ НИКОЛАЙ
СВЕНТИЦКИЙ, НАРОДНАЯ
Артистка Грузии
НУНУ ГАБУНИЯ И
КОМПОЗИТОР
ТЕНГИЗ ДЖАИАНИ.

Сколько столетий прошло с момента появления на свет жанра, который мы называем с любовью «романсом». Еще в XIII-XIV вв. его исполняли на романском языке странствующие поэты. А уже в XIX столетии романс было принято исполнять соло. С тех пор мало что изменилось. Романс устоял перед натиском времени, пережил перемены и революции. И по-прежнему его неотразимое обаяние притягивает ценителей прекрасного.

Русский романс – это уникальный феномен в музыке, а грузинское исполнение – феномен вдвойне ... И что может быть прекраснее русского романса?! Лишь русский романс в исполнении грузинского певца.

«Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить ...»

В этот вечер никто не спешил. Сама атмосфера вечера была настолько уютно-домашней ... На протяжении всего вечера его ведущий журналист Юрий Вачнадзе увлекательно рассказывал собравшимся в ресторане «Цисквили» («Мельница») о несравненной Тамаре Семеновне, о ее взлете на музыкальный Олимп и непростых коллизиях ее жизни.

Трио «Браво» – Галина Бандура (скрипка), Анатолий Данелян (альт), Алена Оганова (фортепиано)

Участники вечера русского романса в ресторане «Дисквилли»

открыло вечер, исполнив попури на темы известных русских романсов.

За окнами остался вечеряющий Тбилиси, что был так дорог Тамаре Церетели всегда и везде, где бы она ни находилась, его осенние сумерки с шумом машин и светом неоновых витрин. Горящие свечи и живые цветы, магия гостеприимности, которую создавали звуки музыки, подлинной хозяйки вечера. Небольшой зал как бы парил на волнах нежности и равнодушия.

По словам Николая Свентицкого, любимая многими певица всегда была гостеприимной хозяйкой многочисленных вечеров и потому презентация прошла в камерной теплой обстановке.

Среди гостей общественные деятели, звезды грузинской эстрады, театра и кино, ведущие телешоу, представители дипломатического корпуса. Присутствовал на презентации и Мераб Табукашвили – автор книги «Забятая легенда», единственной монографии о великой певице.

Председатель Союза композиторов Грузии Важа Азарашвили, академик Роин Метревели выразили благодарность создателям музыкального диска и организаторам вечера памяти незабвенной Тамары Церетели.

Пленительность и очарование романсов, страсть и волнение, глубина и неисчерпаемость ... Говорить о нем можно до бесконечности, а наслаждаться им и по-прежнему.

Романсы «Ямщик, не гони лошадей», «Не жалею», «Но я вас все-таки люблю», «Отрада», «Дорогой длинною», «Сокол», «Твои глаза зеленые», «Калитка» и многие другие звучали в исполнении молодых грузинских певцов: Софо Бедия, Джабы Хвичия, Софии Геловани, Бориса Бедия, Натии Перанидзе, Нинуцы Бедиашивили, Магды Николейшвили, Лелы Телия, Натии Бубашвили, Сандро Кобахидзе, Дуданы Нипаришвили, Михаила Шакулашвили, которые дали новую жизнь старым романсам.

Звучали дружественные тосты, грузинская речь сменяла русскую. Не было ни одного безучастного сердца, чьи струны не затронули бы эти прекрасные звуки, переполнявшие зал и вырывающиеся за его пределы на улицы Тбилиси.

Под занавес прозвучали всеми любимые «О, Рэро, Рэро» и легендарный «Тбилисо», который исполнил замечательный состав певцов – Гия Чиракадзе (ансамбль «Картули хмеби»), Нанули Абесадзе, Нуну Габуния, Ирма Сохадзе, Ачико Мепаридзе... Вместе с ними пел и весь зал.

В нашей жизни случаются такие моменты, когда время – прошлое, настоящее и будущее, стирает свои границы. И нет уже сейчас, а есть всегда.

Всегда в Грузии будет любим русский романс. И это счастье, что традиция грузинского исполнения русского романса жива и будет жить.

Алена ДЕНЯГА
Фото **Гора ЧАНАДИРИ**

Александр Радашкевич

СВОБОДНОЕ ПАДЕНИЕ ВВЕРХ

Редко случается испытывать волнение, подобное тому, которое переполняет тебя, когда держишь в руках книгу прозы, написанную замечательным и тобою любимым поэтом.

Примеры счастливо написанной поэтами прозы в подавляющем большинстве своем – в классическом прошлом, а в настоящем случаются так нечасто...

Александр Радашкевичу это удалось изумительно, и прежде всего потому, что он, написав роман «Лис, или Инферно», не написал прозы и не стал прозаиком, но остался поэтом.

А.Радашкевич – вообще, поэт, ни на кого не похожий. Как сказано в «Лисе», «у вас появилась... своя интонация. Понимаете? Своя. А это – самое трудное,

поверьте мне... В этом вся поэзия. Можно быть мастером, а без интонации вас забудут раньше, чем вы умрете». Обладая своим, совершенно индивидуальным стилем, благодаря которому его произведения узнаешь с первых строф, он умудряется по-прежнему удивлять читателя каждым своим стихотворением. Он удивил и романом.

Роман написан не свободным стихом, без соблюдения известной ритмики, это не поэма в прозе, но при этом он настолько пронизан и обусловлен авторским поэтическим восприятием мира, он настолько эмоционально насыщен и метафоричен, что поневоле задумаешься над тем, что перед тобой произведение, созданное в каком-то если не новом, то малоизвестном стиле. Это не мудреная, образно перегруженная, бессюжетная и – прямо скажем – утомительная проза большинства хороших поэтов (я не говорю о мемуарных произведениях, в которых поэты, как правило, остаются сами собой, и являются не мастерами прозы, а мастерскими рассказчиками).

«Лис» – это абсолютно поэтическое повествование, при этом динамичное, умное, ироничное, с завораживающим сюжетом, в котором переплетены несколько субстанциально привлекательных историй. Роман основан на реальных судьбах и событиях Уфы конца 60-х и Ленинграда 70-х, свидетелем или участником которых был сам А.Радашкевич.

Автор – человек грустный, но умеющий заразительно смеяться, наблюдательный и дотошный, но способный разглядеть и мельчайшие детали, и целиком всю мозаику, из этих деталей сложенную. Это человек

исстрадавшийся, но в страдании он видит не цель, не причину, не следствие, а единственный способ ответить на причиненную боль – собственной болью, а не мезью, словом, а не делом. Он живет среди нас, стоит на нашей тяжелой земле, но его взгляд, устремленный вверх, настолько пристальный, что, кажется, еще чуть-чуть, и мы воочию увидим пример левитации.

Роман «Лис» – книга для очень медленного чтения, особенно в начале, когда читатель только начинает знакомиться с персонажами и осваиваться в незнакомом ему пространстве – и сюжетном, и стилистическом. Автор не спешит, слегка интригует. Сюжет разворачивается неспешно, фраза – долгая, с подробными определениями всех предметов, явлений и действий. Вот хотя бы фрагмент первого абзаца романа: «Это был сумрачный, еще пахнущий краской пейзаж сновиденного сада, как бы видимый сквозь толстое сине-зеленое стекло, как то, что мы видим приставив глаз к срезу зеркала, – с густыми куртинами, ртутно посверкивающим ключом, беседкой, махровыми кучами деревьев и еле заметной полуприкрытой дверцей в поросшей густым плющом стене»... Автор педантичен и подробен, как неторопливый поэт. Возможно, он просто хочет быть уверен в том, что читатель понимает его именно так, как ему того хотелось бы. Но главное – ему самому очень интересно то, о чем он пишет. Автор смакует рассказ, читатель смакует чтение. Однако истории рассказываются, набирается темп и неспешное чтение ускоряется. Я бы сравнила «Лису» с воронкой, которая затягивает все стремительней. Но воронка тянет вниз, и сравнение не к месту. Может быть, с поездом, который все набирает и набирает обороты, но линия железной дороги – горизонтальна, и сравнение вновь неудачно... Но если бы было физически возможно свободное падение вверх, то это как раз случай «Лиса» – когда нарушаются все законы земного притяжения, и тяга вверх пересиливает горький груз земного бремени. Ты падаешь вверх, дыхание захватывает, а под тобой расстилается все, тобою пережитое и выстраданное. Это не отстраненность и не взгляд со стороны. Это просто вид сверху.

А.Радашкевич дал «Лису» подзаголовок – «ленинградский карманный роман». Дотошность филолога не позволяет пройти мимо этого определения.

Прежде всего – это все-таки не роман. Это поэма и сценарий одновременно, раскадровка, выраженная поэтическим текстом – бери и снимай, все прописано. Может быть, это кинопоэма?

Кажется, что А.Радашкевич не пишет, а описывает – зримо, незабываемо, очевидно. Помните, у М.Булгакова: «Всю жизнь можно было бы играть в эту игру, глядеть в страницу... А как бы фиксировать эти фигурки? Так, чтобы они не ушли уже более никуда? И ночью однажды я решил эту волшебную камеру описать. Как же ее описать? А очень просто. Что видишь, то и пиши, а чего не видишь, писать не следует. Вот картинка загорается, картинка расцветивается. Она мне нравится? Чрезвычайно. Стало быть, я и пишу...» При этом, уверяю вас, что приступив к чтению, осознав, что читаю поэтико-кинематографическое произведение, я и не подозревала, что в предпоследней главе мне предстоит встреча с самым что ни на есть сценарием – киноповестью «Соната для троллейбуса», опубликованной в журнале «День и ночь» в 2006 году и отданной «Лису».

«Ленинградский» роман... Да, конечно, с какой сто-

роны не подойди. В 70-е годы сам автор жил и работал в Ленинграде, попав туда в семнадцатилетнем возрасте, когда человек и делает окончательный выбор среди нравственных категорий и духовных предпочтений. В одном из интервью он как-то рассказывал: «У меня была необременительная и вполне денежная (по тогдашним даровым ценам) работа, я жил в центре Ленинграда, на Петроградской стороне, в квартире вдовы народного артиста СССР В. Полицеймако (эту комнату, кстати, до меня снимал будущий чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов), у меня были близкие друзья, и я купался в неповторимой атмосфере боготворимого города, писал стихи, ходил на концерты любимых исполнителей и в оперу, ездил в чудесные дворцовые пригороды, но чувствовал, что час разлуки неумолимо приближается...» Этот город был и остался не просто ступенькой на долгой лестнице пестрой жизни, не страницей, пусть даже яркой и особенной, в книге воспоминаний, но навсегда обосновался в душе автора, который называет Петербург, нет, именно Ленинград, своей «духовной родиной» и «Атлантидой», а любимейшим местом на земле – Павловск. Со страниц романа сквозит горьким и счастливым духом тех самых 70-х, когда «в воздухе... мешались надежность и надежда». Глубоко советское время. Ностальгировать по нему считается сегодня едва ли не самым дурным тоном. Но Радашкевичу нет дела до того, что и как сегодня считается и пересчитывается. Роман наполнен исключительно узнаваемыми деталями именно тех, советских, лет, которые почти исчезли и неизвестны нынешним юным – «молчаливая ленточка очереди у цистерны с молоком», например. Или, значительно подробнее, -

А.Радашкевич, Н.Литвинова и Н.Попова на фестивале в Тбилиси

«Официальная идеология, исповедовавшая мертвых лысо-волосатых идолов коммунизма, заговорщически присутствовала на первых полосах газет и в новостях из радио- и телеящиков, но никто – от деревенского зачуханного милиционера и дебелой заслуженной доярки до увешанного орденами и почетными знаками академика – не принимал всерьез эти пропагандные ходули и даже не был озабочен их формальным существованием в пропыленных партийных архивах»...

Автор пишет о городе своей юности и не боится свет-

лых воспоминаний – не столько о годах, когда он был юн, сколько о том прекрасном, странном, таком живом времени, когда люди были богаты духовно и озабочены душевно. Он пишет о прожитом без всякого нарочитого глубокомыслия, противопоставляя не столько Запад и Восток, сколько наше недавнее прошлое и настоящее: «Средний западный человек, попадая из своего магазинного, регламентированного наживой и потреблением, равнодушного и изживающего себя мира в эти райские сады высокой дружбы, странных романтических влюбленностей и чистых надежд, обалдевал и наслаждался каждым прожитым здесь днем, возвращаясь в свое детство...» Тем ужаснее и больнее воспринимаешь безжалостное описание дней нынешних в последней главе «Дверь в стене», и с уважением понимаешь, что тонкий и изысканный поэт Радашкевич не боится

родство здесь так же обычно, как нездоровый цвет лица, долги и вечная самоирония... Сочетание неполноценности и превосходства делает его весьма язвительным господином». Но Ленинград – это любимый Александром Радашкевичем и его героями город. «Тут моя юность, - говорит Валера, герой «Сонаты...» - Весь я. И все, кого люблю... и все. Это город моей души». Хотя надо заметить, что в один из самых пронзительных моментов, когда внезапно и ошеломляюще Ленинград Радашкевича переключается с Петербургом Достоевского, городом-убийцей, коварно и исподволь толкающим страдальцев к убийству себя, звучат слова: «Вас вызывает Уфа!», обращенные к персонажу Димке в трагическую минуту его жизни... Уфа – город детства А.Радашкевича, и он щедр к этому городу – описывая провинцию, не забывает напомнить читателю, что в старинной своей части – это «старая патриархальная Уфа, Уфа невероятных цветных фотографий Прокудина-Горского, аксаковская, нестеровская, девятнадцатилетнего Шаляпина»... И выясняется, что это не только ленинградский роман, а еще и уфимский – ленинградские герои «Лиса» родом из Уфы, где происходит ряд значительных событий романа.

«Ленинградский, карманный...» Карманными бывают календари, разговорники, записные книжки. Пистолеты. Выясняется, что и роман может быть карманным – но, думаю, только в том случае, если носить его в левом нагрудном кармане, поближе к сердцу. Карманный он еще и потому, что у автора, как у фокусника в кармане, припрятано много всякой всячины. Удивляешься на каждой странице – сюжет не петляет, но разветвляется, проявляются явные и скрытые параллели, бездны духа – кажется, абсолютно бездонные – становятся все глубже, герои существуют согласно абсолютной фабульной логике, и все равно остаются во многом для читателя непредсказуемыми. Автор, как престижитатор, манипулирует и нашим вниманием, и нашими ожиданиями. Он не договаривает, намекает, но дает читателю полную свободу воображения, да и сам во многом подчиняется своим героям, которые – от главы к главе – обретают законченную логику самостоятельных характеров. Создать завершенный образ, не похожий ни на какой другой, с выверенными и одновременно парадоксальными закономерностями существования в тексте произведения – это большое авторское мастерство.

Несмотря на заголовок «Лис, или Инферно», А.Радашкевич дал жизнь сразу нескольким автономным и сильным персонажам – Катя, Карина, Димка и Веня, шагнувшие из Уфы 60-х в Ленинград 70-х, в легендарную «Муху» - Мухинское училище. Столь же яркие и эпизодические герои романа – родители Карины, сестры Галя и Людя, персонажи из провинциального детства Лиса – дядя Коля и Миша, герой «Сонаты для троллейбуса» Валера... И все они вращаются вокруг образа Лиса, подсвеченного инфернальным, как и было заявлено, светом (или исторгающего его из себя), словно вокруг Юпитера его спутники, что и становится отличительной чертой архитектоники романа.

Образ Лиса, Павла Лисанова, имеет реальный прообраз – это ленинградский художник Владимир Лисун, выпускник Академии художеств имени Репина. В 17 лет он, в состоянии творческого кризиса, уничтожил

Великий князь Владимир Кириллович и А.Радашкевич

быть иногда недостаточно метафизичным, потому что, вероятно, чувствует, что понимание любой метафизики обостряется именно в сопоставлении с физикой.

Книга написана ленинградцем по духу, по закваске – знающим и сдержанным, безукоризненно вежливым и воспитанно насмешливым, интеллигентным и рефлектирующим. «Чисто ленинградское», «типично ленинградское» - иногда встречается в тексте. И это в некотором смысле ребус, шарада... Ведь Ленинград – это город соединения несоединимого, инфернальная смесь самого противоречивого, колыбель революции и колыбель эмиграции, обитель интеллигентов и прибежище интеллигентности чуждых (мягко говоря)... Да мало ли. С.Довлатов (несопоставимый по стилю с Радашкевичем, но «коллега» по биографии – ленинградец, родившийся в Уфе и эмигрировавший в США) определил Ленинград следующим образом: «Благо-

все свои работы и все начал заново. хотя к этому возрасту им уже было создано около полутора тысяч холстов, акварелей и графических работ. Он был экзотичен и инопланетен, «горд и смиренен». И А.Радашкевич выбрал его в свои герои, возможно, потому, что «он был истинным Лисом, врожденным, созданным из самого себя». Думаю, что это одна из немногих человеческих черт, которые по определению заслуживают восхищения – быть созданным из самого себя. Таков, кстати, и сам автор «Лиса».

Лисунов писал в совершенно неканонической манере, которая получила название «метод мистического символизма», а мир его творческих исканий обозначают как «астральные блуждания» - по названию одной из самых знаменитых картин художника. Мастер, виртуоз, он блестяще владел ремеслом, но соразмерности и порядка избегал намеренно. Созданные им образы – это сюрреальные абстракции, отражающие колоссальную дисгармонию души человека и мира в целом. Его полотна, пишет А.Радашкевич, не имели «ровно никакой цели, кроме усиленного отражения внутренних взаимопроникающих миров, от которых зрителю сразу становилось не по себе, возникало стойкое чувство гнетущего и беспричинного беспокойства и желания куда-то спрятаться».

Как говорится, широко известный в узких кругах, Лисунов был одним из самых знаменитых представителей неофициального искусства Ленинграда 70-х, его неотъемлемой частью. Длинное черное пальто (а зимой – лисья шуба), ярко-алый шарф и шляпа с широкими полями были характерными признаками Невского проспекта тех лет. В 1970 году он женился на студентке «Мухи» Ирине Сарапуловой (послужившей прообразом Карины в «Лисе»), став для нее и мужем, и любимым объектом для дизайнерского творчества. Они прожили 30 лет, до самой смерти Лисунова – в 2000 году художник был жестоко убит в собственной квартире. Обстоятельства его трагической гибели так и остались невыясненными.

Но А.Радашкевич не стал писать детектив. Отправной точкой романа стали картины художника, и поэт слова написал роман о поэте живописи... Конечно, Лис из романа – это почти во всем реальный Лис, потому что для автора основополагающим и в личности, и в ее образе является побудительная и побуждающая сила творчества, а не особенности и подробности биографии. «Это был человек-храм, человек-море... с ним удивительно хорошо было молчать, - сказано в «Лисе». - Это главные люди на земле, посланные для того, чтобы, заглянув в них, мы головокружительно окунулись в себя...» Думаю, это принципиально важное определение, ради которого стоило писать этот роман и стоит его прочитать: понять, что море – это ты сам.

Автор Радашкевич «подарил» персонажу Лису свои собственные стихотворения – «Друг» и «Ну вот» (опубликованные в 2005 году). Не потому, что Лис в чем-то списан с самого автора, но потому, что между картинами Лисунова и стихами Радашкевича прослеживаются параллели, они перекликаются, иногда даже накладываются друг на друга, как конгруэнтные фигуры. Откликнуться на подобное созвучие, совпадение можно только художественно – романом, полным свободы и отваги. «Но доверься себе и не верь мыслям, - говорит Лис. – Стань проще. Выше, выше... Выше себя. Понимаешь? Ешь лунные пирожки, ешь сдобных жаворонков с глазами из изюма. Не бойся, не бойся! Не бойся

ничего, кроме страха». Любая биография лишь обеднила бы завораживающие образы, созданные художником и поэтом. Начало начал, повторю, – творчество. А сопутствующие ему биографические происшествия – всего лишь происшествия. Иногда судьбоносно случайные, иногда мистификаторски придуманные, иногда – сотворенные, как картина или стихотворение.

Надо признать, что Радашкевич и сам несколько мистифицирует читателя. Попытки найти героя, в точности похожего на автора, обречены на неудачу. В первых, автор остается автором, самим собой, поэтом Радашкевичем, который, например, не раз использует в тексте романа один из своих излюбленных поэтических приемов – парадоксальное сочетание несочетаемого, которое, как прожектором в темноте, высвечивает невидимое в очевидном: «все еще возможно и все уже поздно», «и когда они разошлись, они уже были вместе», «всегда помнила о ней и никогда не вспоминала»... А во-вторых, А.Радашкевич стал согероем не одного, а как минимум трех персонажей. Димке он подарил собственную биографическую черточку – как и автор, его персонаж покидает Ленинград в конце 70-х и присылает Лису письмо из Америки, написанное, без сомнения, по личным воспоминаниям и впечатлениям автора. «Вначале я жил в Америке, - рассказывал А.Радашкевич в интервью автору этих строк. - Это были самые мучительные шесть лет моей жизни, потому что в то время я не знал, смогу ли когда-либо вернуться. Ведь тогда еще был Советский Союз... Я начал там потихоньку умирать, хотя у меня была работа в библиотеке Йельского университета, прекрасная квартира, хорошие друзья. Я ни в чем не нуждался. Но у меня выбили мою почву из-под ног, а на чужой почве я не мог жить – это не мое. Я не привился. И сейчас бы не привился. И вообще это было время, из которого я еле выполз, и выжил»... Стихи Радашкевича «пишет», как уже было сказано, Лис, и именно ими заканчивается повествование о нем. Но его же стихи («Вещи» из первой книги стихов и «Пусть бегущие добегут» из первой подборки, опубликованной на родине) вложены в уста герою «Сонаты» Валере – герою кинофильма, который Лис смотрит за несколько часов до своей гибели. Поэтическая перекличка персонажей становится самостоятельным образом, не вызывая ощущения искусственного приема и лишь усиливая острое чувство фатума, обуславливающее течение жизни, обреченной на потери и отчаяние. Неслучайно в романе дважды встречается роковое словосочетание «сукино судьбы».

«Астральные блуждания» Лисунова и «Инферно» Радашкевича, соединенные стихами, стали каким-то новым явлением искусства – творением, созданным, говоря словами романа, через «срез зеркала». Ад в душе человека, ад вокруг него, преображенный в слова и линии, перестает быть адом. Если это и бездна, то та самая, которая над головой, которая «звезд полна», которая прекрасна. Как заметил Б.Кенжеев в послесловии к книге стихов А.Радашкевича «Последний снег», «может быть, это и есть главное – та красота, что таится в «кромешных полыньях» обреченного нашего бытия...» В такую бездну можно смотреть долго, не только не опасаясь, но даже ожидая того момента, когда бездна начнет смотреть на тебя. Ведь если и упадешь в нее, то только вверх.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

Дорогой Джумбер, ты первым из нашего поколения физфаковцев, окончивших МГУ почти 55 лет назад, пересекаешь этот рубеж. Так же, как первым женился (мы всегда будем помнить Лию), первым стал отцом, дедом, прадедом... Нам выпало жить в бурное непредсказуемое время, которое в конце концов разделило нас не только географически, но и по разным государствам (иногда даже воющим друг с другом). Но это нас не разъединило и никогда не разъединит. Наша дружба, любовь к науке и преданность простым человеческим идеалам навсегда с нами. Как в замедленном кино, листаются страницы твоей жизни в том, что о тебе пишет Анатолий Борисович Михайловский. Сколько теплоты и легкого юмора. Разреши и мне присоединиться к поздравлениям в связи с твоим юбилеем и пожелать великому тбилисцу еще многих лет плодотворной (в том числе и в науке) жизни. Крепко обнимаю тебя.

Твой Роальд Сагдеев,
Вашингтон, США

Дорогой Джумбер Георгиевич!

С раннего детства я знал о том, что вследствие сложных астрофизических и геофизических процессов Грузия является солнечной страной. Позже, когда судьба свела меня с тобой и нашими общими друзьями, я утвердился во мнении, что Грузия солнечная потому, что ее населяют солнечные люди великой одаренности и с высокими человеческими принципами.

День рождения – замечательный повод для того, чтобы собрать старых, добрых и замечательных друзей, обсудить важные, и не только научные, проблемы в неповторимом Тбилиси. В этот раз я с вами только мысленно, но впредь рассчитываю на более благоприятное расположение светил. Ведь ты только приближаешься (по меркам горцев) к возрасту зрелой мудрости и великих свершений, а значит новый симпозиум не за горами.

С самыми добрыми пожеланиями и благодарением,

Анатолий Михайловский,
член-корреспондент РАН

Дорогой Джумбер Георгиевич!

Примите мои самые сердечные поздравления с Вашим юбилеем. Глубоко ценю Вас как крупного ученого, организатора науки и государственного деятеля, снискавшего своим высоким профессионализмом всенародное уважение. Ваша мудрость и принципиальность служат образцом для молодых деятелей науки. На протяжении многих лет нас с Вами связывают теплые дружеские отношения, которыми я искренне дорожу. Здоровья Вам и Вашим близким, душевного мира и творческого долголетия.

Ваш Сергей Капица

ЖИЗНЬ С МОЛНИЯМИ

ВЕЛИКИЙ ТБИЛИСЕЦ

Прошло более сорока лет с того дня, как я познакомился с Джумбером Ломинадзе в семье Дэви Стуруа. Представительный, атлетического сложения, с белокурыми с проседью волосами и доброй улыбкой на бронзовом лице, он сразу же располагал к себе. Весь его облик был отмечен печатью аристократизма. Он напоминал античную скульптуру. Приятной была его речь, взгляд лучистых глаз сразу же располагал к собеседнику, рядом с ним вы чувствовали себя свободно и легко.

Джумбер и Дэви Стуруа подружились в студенческие годы в Москве. У них оказалось много общего, и с тех самых пор они были неразлучными друзьями. Их супруги, Лия и Маквала, обе работали в тбилисском

Джумбер Ломинадзе

Институте педиатрии и их также объединяла дружба. Лия была ведущим научным сотрудником. В этом же институте работал и мой отец, Давид Квитаишвили, и я часто захаживал туда и помню, какой любовью и уважением была окружена Лия. У Маквалы Стуруа не было подруги более близкой и любимой.

Смело можно сказать, что в деятельности Джумбера Ломинадзе, насыщенной широко известными научными достижениями, решающую роль играла Лия. Она всегда стояла рядом и всячески поддерживала супруга. Поистине незаурядное гражданское мужество она проявила, когда Джумбер Ломинадзе вместе с физиками мирового значения страны работал в «Челябинские

70» над сложнейшими засекреченными проблемами. Джумбер Ломинадзе любил ее безгранично и нежно, и это лучше всего проявилось на уникальной, ставшей особым событием фотовыставке 5-12 июня 2000 года, посвященной памяти Лии. Это была поэзия, гимн любви в фотографиях, вызывавшая у посетителей неподдельный восторг.

Школьный друг Джумбера, театровед Нодар Турабанидзе рассказывал мне о различных увлечениях Джумбера Ломинадзе – в юношеские годы он прекрасно рисовал, обладал незаурядной музыкальностью и прекрасным слухом, занимался спортом, выделялся поистине фанатичной любовью к фото- и киноискусст-

ву, где достиг больших успехов, к художественной литературе, очень много читал. А уж о физике, математике и астрономии говорить не приходится. За литературой пристально следил и даже говорил мне: «Я не хочу упустить ничего, если появится что-нибудь интересное и значительное, так что ты меня держи в курсе». С юности он дружил с братьями Отаром и Тамазом Чиладзе. С почтением и любовью относится к Чабуа Амирэджиби, высоко ценит его творчество, его личность. Неординарная, полная приключений и опасностей биография писателя сама по себе не может не привлекать внимания. Джумбер часто навещает его, и их беседы, беседы двух выдающихся людей – еще одно интересное произведение.

С возрастом Джумбер Ломинадзе, столько сделавший, столько повидавший и переживший, не утратил неутомимой жажды знаний, стремления к универсальности. Потому, наверно, он преклоняется перед титанами Возрождения Леонардо да Винчи и Микеланджело, с таким же уважением относится к всемирно известным физикам, астрономам, математикам, о которых он может читать лекции. А в его ораторском искусстве мы не раз убеждались, с увлечением слушающая его телепередачи.

20 сентября в Большом зале Грузинской Национальной Академии наук состоялось торжественное заседание, посвященное 80-летию со дня рождения Джумбера Ломинадзе, доктора физико-математических наук, академика-секретаря Отделения математики и физики НАН Грузии, бывшего председателя Центризбиркома Грузии. Здесь собрались ученые, писатели, артисты, близкие и друзья юбиляра.

Заседание открыл академик-секретарь Отар Натишвили, который с большим теплом говорил о неординарности личности юбиляра, о его заслугах в развитии физики и астрономии.

Присутствующие с большим интересом выслушали доклад одного из любимейших учеников Ломинадзе – член-корреспондента НАН Георгия Чагелишвили, в котором сжато, компактно был обрисован жизненный путь юбиляра, основные направления его научной деятельности. Докладчик отметил и обаяние личности юбиляра, его способность искренне радоваться достижениям других. Сердечно приветствовали юбиляра член-корреспондент НАН Вахтанг Кокелашвили, профессор Института физики Джаба Чигвинидзе...

Вскоре к собравшимся присоединился президент Академии, лингвист с мировым именем Тамаз Гамкрелидзе. Теперь он вел заседание. Среди выступивших с приветственным словом следует отметить заместителя председателя Украинского космического агентства Владимира Шарафеева, а также кандидата физико-математических наук Александра Феоктистова, сына академика Льва Феоктистова, одного из создателей

В гостях у Сергея Капицы. 2003

ядерного оружия, с которым Джумберу Ломинадзе в молодости довелось вместе работать.

Живым, свободным от штампов было выступление академика-секретаря Отделения языка, литературы и искусства, языковеда и поэта Гучи Кварацхелия. Она подчеркнула демократизм, человеколюбие юбиляра, гармоничное слияние в его личности физика и лирика. В том же ключе прозвучало выступление востоковеда и журналиста Кетеван Томарадзе.

Все сбравшиеся с большим интересом ожидали появления близкого друга Джумбера Ломинадзе, директора Института космических исследований РАН академика Льва Зеленого. Его рейс задерживался, и он прибыл лишь к двум часам.

До этого выступил наш певец с мировым именем Паата Бурчуладзе. Наконец, в зал вошел Лев Зеленый. Он заключил в объятия своего друга-юбиляра и произнес очень содержательную приветственную речь.

После этого был показан документальный фильм Джумбера Ломинадзе «Кадры из прошлого», о нем самом, о его семье, снятый с завидным мастерством в различных странах.

На трибуну поднялся выдающийся грузинский кинорежиссер Резо Чхеидзе, который в 2006 году пригласил Д.Ломинадзе на роль реставратора церквей в своем фильме «Свеча с Гроба Господня».

Тамаз Гамкрелидзе особо отметил, что, кроме большого вклада в развитие науки, Джумбер Ломинадзе обладает редким даром иллюзиониста, что в свое время подтверждал Игорь Кио.

Будучи от природы очень добрым, благорасполо-

В мастерской Зураба Церетели с Роальдом Сагдеевым

женным человеком, Джумбер Ломинадзе умеет дружить и очень ценит дружбу. Потому-то у него столько благодарных учеников и коллег, и стольким молодым талантливым людям он помог положить дорожку в большую науку (как например, Гие Худжадзе).

Все мы знаем, как сложны сегодня грузино-российские отношения. Но это ничуть не повлияло на друзей Джумбера Ломинадзе. Они продолжают относиться к нему с той же любовью. В течение всего заседания не прекращались телефонные звонки – Джумбера Георгиевича поздравляли из разных стран мира коллеги, друзья. Пришло множество телеграмм, подписи под которыми свидетельствуют о значимости корреспондентов. Юбилей действительно был освещен любовью и теплом сердец.

Венцом юбилейных торжеств ученого стала книга его старинного друга член-корреспондента РАН Анатолия Борисовича Михайловского «Джумбер Ломинадзе – ученый, организатор науки и создатель творческого климата». Книга Михайловского написана живо и интересно. Важнейшие этапы жизни и научной деятельности Джумбера Ломинадзе излагаются в отдельных маленьких главах, создают цельный мозаичный портрет.

Из воспоминаний, вошедших в книгу, одно из лучших – эссе Дэви и Маквалы Стура – «Сентябрь ее бессмертия», в котором сквозит глубокая боль авторов. Загораживающий лиризм, утонченный поэтический оттенок пронизывают с начала до конца это грустное воспоминание.

Эмар КВИТАИШВИЛИ

СЕНТЯБРЬ ЕЕ БЕССМЕРТИЯ

- Погляди, погляди, не напоминает ли тебе эта девочка, что входит в воду, Иду Бартон из повести Джека Лондона «Прибой Канака»? – роста среднего, тонкая в талии, ловко скроенная, на маленькой породистой головке элегантно пирамидка из темно-каштановых, почти черных кос.

Так говорил я сидевшей вместе со мной под навесом девушке, которая ровно через шесть месяцев стала моей женой.

- Если эта девочка – Ида, то где же тогда спутник ее жизни и извечный партнер по плаванию Ли Бартон? - на вопрос вопросом же ответила мне Маквала.

Не успела она произнести последнее слово, как из глубины гагрского пляжа метнулся юноша гигантского телосложения, легко подхватил на свои могучие, мускулистые руки нашу «Иду», и вмиг спокойный, дремавший залив Черного моря вскипел и забурился.

- Это же Джумбер Ломинадзе! - воскликнули мы одновременно...

Когда, наконец, «Бартоны» вышли из воды, Джумбер познакомил нас со своей милой подругой, которую звали Лией.

После этого ровно 46 лет мы идем по жизненному пути вместе, за исключением 1956-1958 годов, когда вдали от Грузии, в «Челябинске-70» (втором центре по разработке ядерного оружия), ныне городе Сне-

жинске, наша нежная, хрупкая Лия доказала, что Всевышний наградил ее не только красотой и добротой, но и истинным мужеством.

Спецобъект представлял собой огромную, широко раскинувшуюся территорию. Работа в клинической больнице, частые вызовы (зимой, порой в сорокаградусный мороз), всевозможные ЧП, да еще домашнее хозяйство, уход за мужем...

И вот 29 сентября 1957 года, в 16 часов 40 минут, близ Касли произошел мощный взрыв, получивший название «Кыштымской катастрофы». 2 миллиона юри радиоактивных веществ были выброшены в воздух на километровую высоту. 18 миллионов юри были разбросаны вокруг хранилища. Эта ядерная авария хранилась в тайне в течение 32 лет.

На следующий же день после взрыва были мобилизованы медицинские работники военно-санитарных частей, и Лия Ломинадзе как врач одной из первых отправилась на помощь людям. В ту пору защитных средств практически не существовало, Лие приходилось передвигаться по доскам, положенным поверх зараженной земли. Когда она возвращалась на объект, стрелку счетчика Гейгера на контрольно-пропускном пункте зашкаливало от огромной дозы радиации. Одежду приходилось менять, а обувь тут же сжигали (быть может, именно тогда она «подхватила» первую дозу радиации, ставшей спустя многие годы причиной неизлечимого недуга).

В 1995 году Джумбер и Лия Ломинадзе были приглашены на сорокалетие «Челябинска-70» как одни из первых его сотрудников. «Трудно было представить, - писала Лия в своих воспоминаниях в книге, посвященной памяти академика Евгения Забабахина, первого учителя ее мужа, - что на жизненном пути я, молодой врач из далекой Грузии, встречу и подружусь со многими выдающимися учеными».

Многие старожилы горо-

да с благодарностью вспоминали заботу Лиички Васильевны о здоровье их детей. Одна из них передала Лие книгу Даниила Гранина «Зубр» с дарственной надписью.

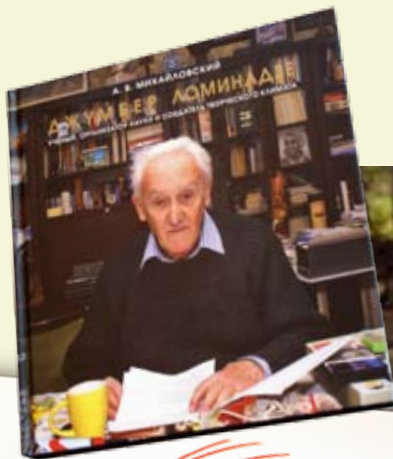
А в мае 1995 года супруги Ломинадзе были приглашены в город Дубна на Международную конференцию «Наука и общество – 50-летие советского атомного проекта».

Это был поистине уникальный форум, на котором встретились «последние могикане», люди, которым в той или иной мере пришлось коснуться величайшей проблемы в истории человечества – создания атомной эры.

Создание ядерного оружия связано с выдающимися, бессмертными именами: Игорь Курчатов, Юлий Харитон, Кирилл Щелкин (тбилисец, здесь ему установлен памятник), Яков Зельдович, Евгений Забабахин, Андрей Сахаров. Абсолютное их большинство были истинными патриотами. Это им поклонился низко Сталин, сказав: «Вы спасли планету от третьей мировой войны». И это было полной правдой, нравится это сегодня кому-то или нет.

Ближайшим другом Лии и Джумбера был один из выдающихся физиков современности Роальд Сагдеев. Нельзя без внутреннего содрогания читать переписку Лии с Роальдом в дни, когда она из последних сил боролась со своим беспощадным недугом...

... «Физика XX века, - выводила слабеющей рукой Лия, - была уникальной, особенно атом и термоядерное оружие, которое и сегодня завораживает человечество. Ты просто обязан написать обо всем этом, ибо ты всегда находился в центре, так сказать, в ядре этой физики. Выразить свое отношение к последним событиям, сформулировать свое кредо, высказать свои чувства, в конце концов. Ты ведь гений и должен без всяких бытовых деталей высветить все важнейшие грани той, выражаясь словами Ферми, «красотой физики», которая, тем не менее, поставила нас на грань, именуемую «быть или не быть».

На съемках фильма «Свеча с Гроба Господня»

Дж.Ломинадзе у портрета супруги Лии

А вот один отрывок из ответа Роальда Сагдеева на это письмо Лии: «Я и Сьюзан (Сьюзан Эйзенхауэр – супруга Р.Сагдеева, внучка легендарного генерала, впоследствии президента США Дуайта Эйзенхауэра – М.С., Д.С.) потрясены твоей мудростью, твоим бесстрашием перед неизвестностью... Скоро наступит полувековой юбилей нашей дружбы, и мы будем всегда вместе».

Лия Ломинадзе впервые в Грузии, путем глубоких научных исследований, изучила функциональное состояние сердечно-сосудистой системы здоровых детей в возрастном аспекте (от одного года до пятнадцати лет), установила нормативы этих показателей. Результатами экспериментальных исследований заинтересовались педиатры США, Голландии, Франции и Югославии. В 1967 году Лия блестяще защитила кандидатскую диссертацию, отдельные пассажи которой, по признанию специалистов, были выполнены на уровне докторской, стала старшим научным сотрудником.

Ее исследования в области функционального состояния сердечно-сосудистой и центральной нервной системы новорожденных и недоношенных детей легли в основу ее крайне интересной монографии и более 70 научных публикаций.

Годами боролась она со своим грозным и неумолимым недугом с мужеством и непреклонностью именно грузинки. Вот так – боролась и жила...

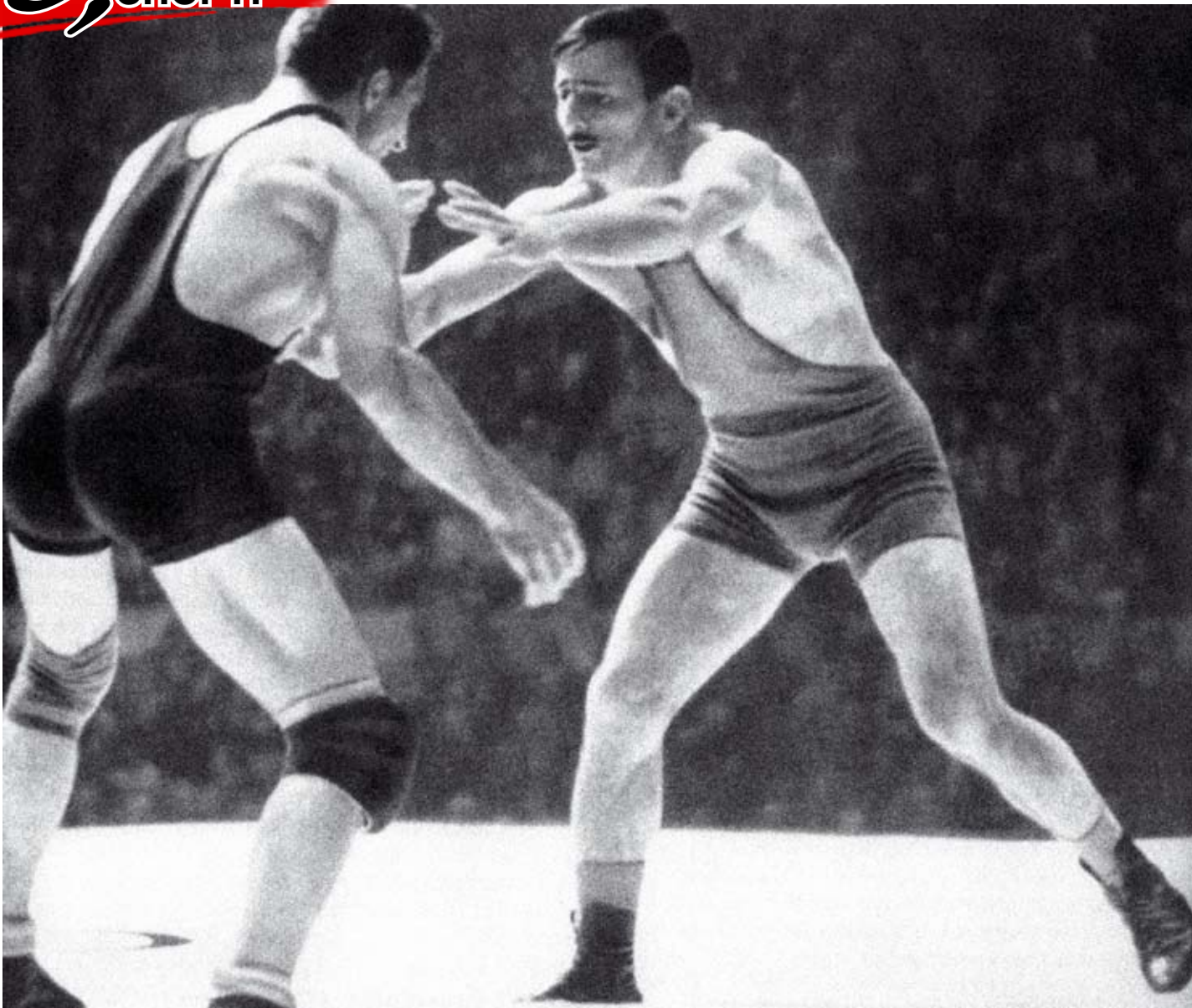
Всю свою жизнь была великой труженицей и, притомившись, уснула, как погружается в глубокий сон исполнивший до конца свой долг сеятель добра и любви... Вместе с ее родными и друзьями кончину Лии тяжело переживали многие ученые и общественные деятели Грузии и зарубежных стран.

В самом большом и престижном концертном зале Нью-Йорка «Карнеги-холл» известный американский дирижер, наш соотечественник Вахтанг Жордания посвятил светлой памяти Лии Ломинадзе свою концертную программу – Седьмую симфонию Дмитрия Шостаковича, увертюру из оперы Вагнера «Тангейзер» и скрипичный концерт Брамса.

...Первого сентября 1999-го ты попрощалась с нами тихо, спокойно, с какой-то особой, отрешенной улыбкой, очевидно, иной обители.

И это был сентябрь твоего бессмертия.

1999 год
Маквала и Дэви СТУРУА
(печатается с сокращениями)

Так боролся Вахтанг Балавадзе

ЭКЗАМЕН СДАВАЛИ ПРОФЕССОРУ

Писать о нем легко и одновременно трудно. В самом деле, как вместить в рамки одной статьи спортивные подвиги бронзового призера Олимпийских игр, двукратного чемпиона мира, пятикратного чемпиона СССР по вольной борьбе и самбо, победителя многочисленных международных турниров, заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера СССР, первого в стране арбитра экстра-класса?

Все эти титулы и звания принадлежат одному человеку – Вахтангу Михайловичу Балавадзе, профессору борь-

бы. Так его знают во всем мире с легкой руки президента ФИЛА Роже Кулона, после победы Балавадзе в 1953 году на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Бухаресте, где он за 20 секунд положил на лопатки будущего чемпиона мира 1957 года иранца Наби Сорури. В Румынии Балавадзе к лаврам победителя турнира прибавил приз самого техничного борца.

Главные награды, всенародная любовь и популярность чемпиона и почетного гражданина города Тбилиси пришли к нему позже, и самое яркое проявление – с 1962 года проводится Тбилисский международный турнир имени Вахтанга Балавадзе, первого в Грузии чемпиона мира по вольной борьбе.

Начинал свой путь на борцовском ковре необычно. Осенью сорок восьмого года на динамовском стадионе проходило академическое занятие по грузинской борьбе. Вахтанг стоял на краю ковра, ожидая соперника, но сердцем был на футбольном поле, куда высыпали на тренировку его товарищи по сборной Грузинского института физкультуры. Он играючи победил в той схватке, особого значения этому не придал, а потому удивился, услышав реплику тренера: «Балавадзе, останься на ковре!»

В тот день Михаил Тиканадзе предложил ему бороться со всей группой, и он поборол всех, одного за другим. «Жду тебя завтра в борцовском зале», – с этими словами расстался с ним тренер.

Михаил Егорович заведовал кафедрой борьбы, от его взгляда не остались незамеченными удивительная устойчивость на ногах студента, его чемпионское сердце, кажется, выбравшее футбол, но судьба распорядилась иначе. Интуиция не подвела великого тренера ни на стадионе, ни позже, когда он возглавлял сборную Грузии. Примера Вахтанга Балавадзе достаточно, чтобы понять величие Тиканадзе-тренера, одного из основателей вольной борьбы в Грузии. Он сумел сохранить стиль подопечного, багаж знаний и умения, обретенные в грузинской борьбе, в селе Ганири Самтредского района, когда 14-летний паренек без спроса взял из дома холщевые мешки, чтобы пошить из них борцовские куртки-чохи для ребят из сельской секции борьбы.

Тиканадзе вначале запрещал ему разучивать новые приемы вольной борьбы, говорил, что нужно научиться без чохи проводить все то, что он умел.

Послушаем самого Вахтанга Балавадзе, кавалера двух орденов «Знак Почета», Дружбы народов, ордена Чести: «Австралия с детства увлекала мое воображение, благодаря любимому предмету – географии и роману Жюль Верна «Дети капитана Гранта». Не думал-не гадал, что посчастливится посетить Зеленый континент, да еще участником Олимпийских игр. Но в ноябре 1956 года с Ташкентского аэродрома поднялся воздушный лайнер и скоро оставил под своими крыльями исполинов Гималаев. Мы, борцы, поздравили друг друга с «покорением» Эвереста и уже в полночь приземлились в столице Олимпиады. Мельбурн встретил нас толпами охотников за автографами и непрерывными дождями. Соревнования борцов вольного стиля начались через несколько дней после открытия Игр, в выставочном зале, где до нас выступали штангисты. Как обычно, соревнования открыли атлеты наилегчайшего веса. Отличился Мириан Цалкаламанидзе, который в Мельбурне принес нашей команде единственную золотую медаль. Как и Гиви Картозия – среди борцов классического стиля. Выступление моих земляков в Австралии было очень успешным. Восемь из десяти посланцев Грузии стали чемпионами и призерами Игр».

На Олимпийские игры в Мельбурн Балавадзе отправился в ранге победителя чемпионата мира-54 в Токио, где он превзошел признанных фаворитов – иранца Фардина, японца Канеко, шведа Берлина, турка Бюкера, и тренеры не без основания видели его победителем Игр.

Он выступал в привычном полусреднем весе и в первом круге выиграл по баллам у финна Рантанена, во втором – на 3-й минуте тушировал немца Тишендорфа. В следующем – центральная встреча с Митсуо Икедой.

Японец до этого приезжал в Советский Союз, выступал в среднем весе, ни одной встречи у наших борцов не выиграл. Он и не преследовал эту цель – внимательнейшим образом присматривался к Балавадзе как возможному сопернику на Олимпиаде. Разведка себя оправдала. Сам Балавадзе считал, что в нем было два борца – заслуженный мастер спорта в стойке и хороший второразрядник в партере. Эту ахиллесову пяту и разглядел предусмотрительный Икеда. И выложил в Мельбурне свои доводы. Выйдя против Вахтанга, в стойке был предельно осторожен, а в партере он всегда силен. Два балла заработал в начале схватки и его устраивало пассивное ведение борьбы. Как Балавадзе ни старался

Вахтанг Балавадзе

вытащить Икеду на середину ковра, заставить бороться, японец мало походил на борца. Под свист зрителей японца объявляют победителем схватки.

«Самый несчастливый день в моей спортивной карьере», - признавался потом Балавадзе.

И даже чистая победа над старым знакомым – серебряным призером Хельсинкской олимпиады шведом Берлином, не радовала – в этот день Икеда с большим преимуществом по баллам победил турка Зенгина и досрочно стал олимпийским чемпионом.

Судьба серебряной медали решалась в схватке Балавадзе с Зенгином. В партере первым сверху боролся наш земляк. В один момент турок теряет устойчивость, и Вахтанг накрывает его. В таких случаях борцов поднимают в стойку, но свисток судьи молчит. Вахтанг отпускает турка. Тот не медля использует заминку и захватом руки переводит соперника в партер, побеждая на туше. Обидное поражение!

У Балавадзе – бронза. Берлин четвертый, и еще третий среди борцов классического стиля.

Балавадзе выступал на Олимпиаде-56 после тяжело повреждения руки, полученного в олимпийском году в

Вахтанг Балавадзе, Гиви Картозия и Давид Цимакуридзе

Стамбуле, и тогда прекратил схватку после категорического вмешательства врача. Последствия этого повреждения, несомненно, повлияли на два его поражения на Играх и относительно скромный успех, если можно такovým считать бронзовую олимпийскую медаль. Теперь он постарался отыграться на чемпионате мира 1957 года в том же Стамбуле.

Хозяева ковра надежды связывали с молодым Исмаилом Оганом, будущим серебряным призером Римской олимпиады и победителем Токийской, где он только за счет меньшего собственного веса опередил Гурама Сагарадзе. После Токио Исмаил Оган в возрасте 31 года перестал выступать, справедливо посчитав, что с него достаточно – выше звания олимпийского чемпиона ничего нет.

У себя дома этот мастер национальной масляной борьбы, проиграв Балавадзе в начале схватки два балла, начал откровенно грубить, заимствовав приемы кетча. В перерыве Балавадзе подвел соперника к столу судейской коллегии и попросил переводчика перевести следующее: «В этом зале, давай, посоревнуемся в вольной борьбе, а потом, если захочешь, выйдем и по-мужски подеремся. Так будет лучше и для нас и для зрителей». Слова действовали – Исмаил начал бороться по правилам. В конце концов судьи объявили ничью, не устраивающую обоих. Встреча Огана с другим финалистом – болгаринном Мур-

тазовым закончилась вничью, и Балавадзе, имевшего больше побед, во второй раз объявили чемпионом мира. Оган довольствовался вторым местом.

Перед Римской олимпиадой советскую сборную лихорадило. Неуверенные в своих оценках тренеры до последнего момента не могли определиться с кандидатами. В полусреднем весе сразу три прекрасных, примерно равных борца: чемпион мира В. Балавадзе, чемпион СССР 1959 Михаил Бекмурзов и чемпион СССР 1958, 1960 гг. Гурам Небиеридзе. После многих прикидок, схваток соревновательного характера, кажется, с обладателем олимпийской путевки все ясно – в Рим едет Бекмурзов. Но собрать чемодан предлагают и Балавадзе, он запасной. Уже в Риме, перед самым взвешиванием тренеры объявляют: на ковер выйдет все-таки Вахтанг. Надо ли говорить о губительности такой «подготовки» к Олимпиаде. Тут не то, что характер, воля, тренированность сломаются, сталь и та не выдержит перегрузок. Представляется неслучайным, что в Риме наши борцовольники остались без золотых медалей.

И Балавадзе был неузнаваем на коврах, уложенных в развалинах базилики Массенцио. А ведь в прогнозах специалисты называли его в тройке главных претендентов на олимпийское золото – наряду с турком Исмаилом Оганом и чемпионом Мельбурнской олимпиады в весе 67 кг иранцем Имамом Али Хабиби. Огану удалось взять

один балл и выиграть встречу с Балавадзе. Во втором круге Вахтанг побеждает по баллам индуса Удея Чанда, а в третьем – борется вничью с немцем из ГДР Хейнцем и с грузом штрафных очков выбывает из соревнования.

Из трех фаворитов в финал вышли двое. Но их ждало сильнейшее разочарование в лице Дугласа Блюбау. Балавадзе встречался несколько раз с ним во время поездки по Америке и каждый раз побеждал. Но как прибавил со временем американец! Для начала он впечатал лопатками в ковер Хабиби – «мазандаранский тигр» так и не понял, как из охотника превратился в жертву. Грозный Оган не скрывал радости, что он единственный в олимпийском турнире, проиграл по баллам новому чемпиону и в итоге стал вторым.

В начале 60-х годов Балавадзе прекратил выступления в большом спорте. Перешел на тренерскую работу (старший тренер сборной Грузии по вольной борьбе), вершиной ее стали победы Левана Тедиашвили, двукратного олимпийского чемпиона и пятикратного чемпиона мира.

Вахтанг Михайлович вспоминал: «Через несколько лет Леван сказал мне, что перестанет себя уважать, если через год не выиграет чемпионат мира. Не хотел, дескать, меня подводить – столько труда я в него вложил».

Пришлись тренеру по душе слова молодого – себя узнал в этих словах, сам в чемпионы рвался. Все получилось правильно: если борешься – побеждай!

Тренерской работы не прерывал и в 1967 году, когда был назначен заместителем председателя Спорткомитета Грузии и проработал в этой должности десять лет. Большая заслуга Балавадзе-тренера в том, что в 1969 году на чемпионате мира в Мар-дель-Плата (Аргентина) выступили пять грузинских борцов. Зарбег Бериашвили и Шота Ломидзе стали чемпионами, Тариэл Алибегашвили и Нодар Хохашвили – бронзовыми призерами.

Об одном жалеет: поздно, в 27 лет дебютировал на

чемпионате мира в Токио. Проводились они тогда раз в три года. Вот если бы в двадцать два позволили, то, думает, обязательно стал бы олимпийским чемпионом.

Такая возможность у него была на Олимпиаде в Хельсинки, но тогда 25-летнего Балавадзе (чемпиона СССР 1952 года!) оставили на трибуне среди зрителей, как и другого борца – гиганта из Грузии Гиви Картозия. На ковер тогда руководители советской сборной выпустили одного из ее тренеров – победителя первого чемпионата страны (1945) киевлянина Василия Рыбалко, который в олимпийском турнире занял 14-е место!

С годами горечь от несправедливости проходит, но не забывается.

Спустя годы заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР Василий Рыбалко скажет: «Не знаю другого борца, кто бы так мастерски боролся в стойке. Создавалось впечатление, будто у Вахтанга Балавадзе две пары рук – настолько разнообразно он действовал ногами. Как только ни называют сильных борцов: и железный человек, и двухмоторный, и чемпион чемпионов, но профессором борьбы нарекли одного Балавадзе. Ка-

В.Балавадзе, Г.Картозия и Д.Цимакуридзе. 1956

Почетный гость Вахтанг Балавадзе

кой он душевный, добрый и красивый человек!»

Под этими прекрасными словами мудрого человека, давно ушедшего из жизни, и сегодня охотно распишутся все, кому дорога борьба.

Я вспоминаю начало 90-х годов, развалины великой страны, пору кромешной тьмы, ночные очереди за буханкой хлеба, нищенскую оплату труда, когда надо спасаться, выживать. Понадобился мне для газеты снимок профессора борьбы. Прихожу вечером по знакомому адресу. Хозяина дома не оказалось. Супруга Вахтанга Михайловича шила при свете свечи. Снимков мы в этой тьме не нашли. Прихожу утром и на пороге квартиры сталкиваюсь с Балавадзе. Огорчается – почему я побеспокоился. Передаю свою просьбу. Как это не нашли? И вываливает на стол несколько огромных альбомов – выбирай на вкус, всегда к твоим услугам. Теперь уже я удивляюсь – на всех снимках щедрое застолье, знакомые лица чемпионов. Когда успевали тренироваться? А он улыбается: значит, успевали.

И тогда я вспомнил рассказанный им как-то, не без юмора, известный одному ему секрет восстановления силы накануне поединка – стаканчик-другой сухого красного вина к ужину. Были наверняка и другие секреты...

Секретов много. Балавадзе – один!

Арсен ЕРЕМЯН

Леван Гугава

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

В то лето, когда началась война, Леван Гугава перешел в школе в выпускной класс. Он вырос в селе Ласкадура в Квемо Сванети в традиционной сванской семье, где свято чтятся неписанные законы и обычаи этих мест, завещанные предками. Большую семью, в которой было двадцать человек, возглавлял дед Левана – Темраз, человек негибаемый, мудрый и справедливый. Младшим с самого раннего детства прививали любовь к родине, привычку к тяжелому труду, самостоятельность и ответственность. 22 июня сорок первого Леван вернулся домой из похода в горы, где

был с друзьями по школе, и узнал о вероломном нападении на Советский Союз фашистской Германии. Тот день ознаменовался для его семьи еще одним событием – у Левана родился младший брат. И размышляя о начавшейся войне, юноша невольно думал об угрозе, которую несет появившейся новой жизни враг, и о своей ответственности не только перед Отечеством вообще, но и перед только что родившимся очень близким ему человеком.

В тот же день население района собралось на площади в райцентре, где местное руководство проводило митинг. Почти через семьдесят лет Леван Гугава помнит очень взволновавшее его тогда эмоциональное выступление первого секретаря райкома партии Симона Силагадзе. Руководитель призвал земляков, с одной стороны, к спокойствию, а с другой – к бдительности и самоотверженности. Он сказал, что им, жителям кавказских гор, за долгую историю их края много раз приходилось отражать набеги врага, браться за оружие, когда к этому призывал долг перед родиной, и выразил уверенность, что и на этот раз сваны будут на высоте.

Первые месяцы шла мобилизация. Юношей, достигших 18-летнего возраста, и молодых мужчин провожали на фронт, как всегда бывало в этих краях, с мудрым, молчаливым достоинством. Потом стали приходить похоронки, село оплакивало погибших героев. Леван с друзьями-ровесниками попытались было поехать на фронт добровольцами, однако, работники военного комиссариата, которые, конечно же, прекрасно знали ребят, но в просьбе отправить их в действующую армию отказали: сначала, дескать, вам школу надо закончить.

Вскоре выяснилось, что ребятам никуда ехать не надо. Фронт сам пришел в их края, и они оказались нужны дома. В 1942 году, когда стало ясно, что враг движется на Кавказ, в Сванети из местных жителей, и молодых, и постарше, начали формировать подразделения, которое называлось «батальоном по уничтожению врага». Строго говоря, бойцы этого батальона не были военнослужащими, хотя часть из них находилась на самом что ни на есть казарменном положении. Леван Гугава жил не в казарме, а дома. Но ежедневно должен был являться на службу. Она заключалась в серьезной боевой, в частности, огневой подготовке под руководством старших товарищей, а также в участии в патрулировании местности. В общем, дальнейшие события показали, что решение советского командования доверить оборону этой области Кавказа местным жителям, оказалось полностью оправданным. Эти люди прекрасно ориентировались в горах, где, в силу природных условий, возможны не масштабные бои, а лишь локальные схватки, и могли лучше регулярных войск противостоять прекрасно подготовленным горным стрелкам немцев. Позднее, несмотря на то, что формально они не были военными, приказом министра обороны Советского Союза всех бойцов горных батальонов по уничтожению врага уравнили в правах с участниками Великой Отечественной войны. Это положение продолжает действовать и после распада СССР.

В 1942-1943 годы Леван Гугава участвовал в операциях по уничтожению оперативных групп противника. «Обычно, - вспоминает он, - с самолета на парашютах сбрасывали группы по пять-шесть человек. Это были альпинисты, опытные воины, хорошо оснащенные, владевшие навыками боя в горных условиях, которым

поручалась диверсионная и разведывательная деятельность. В нашу задачу входило обнаружить врага и уничтожить его. И мы справлялись с ней. Помогали хорошая ориентировка на местности и сноровка. Ведь не случайно в батальонах были опытные местные охотники, знавшие все горные тропы, как свои пять пальцев».

- В последние годы, - продолжает Леван Гугава, - много разного говорят о той войне. Иногда, увы, приходится слышать, что к нам, грузинам, она будто бы не имела никакого отношения. Да как же не имела, когда я сражался с врагами у себя дома, в Сванети? Сегодня известно, что в планы фашистов входило завоевать Советский Союз, народы которого не должны были иметь не только собственной государственности, но даже автономий в составе третьего рейха. О чем тут говорить? Конечно, в войне с фашизмом СССР был на стороне правды. И я горжусь, что принимал в ней участие, внес, пусть небольшой, но все-таки вклад в разгром немецкого фашизма, распространявшегося по миру, как метастазы раковой опухоли.

Когда советские войска отбросили немцев от Кавказа, батальон по уничтожению врага начали постепенно расформировывать. Впрочем, этот процесс продолжался до 1944 года, и Леван Гугава состоял в этом подразделении до самого конца. В задачу батальона теперь уже входила забота об установлении общественного порядка в этих местах, защита местного населения от бандитов из числа дезертиров, которые укрывались здесь, угрожали спокойствию жителей горных сел, грабили их, отбирая порой последнее, что было у людей в трудные военные годы.

После войны Леван Гугава работал секретарем райкома комсомола Квемо Сванети (ныне Лентехский район), был заведующим отделом райкома партии. Это были годы восстановления хозяйства, разрушенного в годы войны, в котором активное участие принимала молодежь. Спустя много лет Леван Владимирович будет направлен на работу первым секретарем партии Лентехского района. Но до того ему еще предстоит получить высшее образование в Москве, поработать на ответственных должностях в органах внутренних дел.

Возглавляя партийную организацию родного района, Леван Гугава много занимался хозяйственными делами. Он и сегодня хорошо помнит 16 сентября 1972 года, когда был пущен в эксплуатацию Лентехский филиал Кутаисского кожевенно-обувного комбината, построенный в течение нескольких месяцев. Это было первое крупное промышленное предприятие в Сванети, оснащенное современной техникой. Только на конвейере здесь работало 230 человек. Примерно в то же время в Лентехском районе открылись новый, благоустроенный Дом культуры и капитальный мост через реку Цхенисцкали. Ввод их в строй решил в районе три серьезнейших проблемы. Значительная часть местного населения была трудоустроена на промышленном предприятии, мост надежно связал ранее разобщенных жителей района, а в Доме культуры велась активная творческая работа, что было крайне важно для молодежи и местной интеллигенции. В годы, когда Леван Гугава был руководителем партийной организации Лентехского района, здесь завершился процесс электроснабжения сел, была заасфальтирована дорога, связывавшая Цагери и Лентехи, реконструировано здание гостиницы, началось строительство турбазы и альпийского клуба, проведена автомобильная дорога к

Твибскому мраморному карьере, решен вопрос о начале эксплуатации этого карьера и строительстве завода по обработке камня, и сделано множество других важных и нужных для района дел.

Позже Леван Гугава вернулся на работу в органы внутренних дел, руководил подразделениями ведомственной милиции. В 1986 году в звании полковника милиции вышел в отставку, на пенсию. И сегодня Леван Владимирович активно включен в деятельность Совета ветеранов Ваке-Сабурталинского района Тбилиси, где очень нужен его богатейший опыт организационной работы.

9 октября отмечалась 67-я годовщина победы в битве за Кавказ в Великой Отечественной войне. В этот день в тбилисском парке Ваке собрались ветераны войны, представители общественности грузинской столицы, чтобы почтить память погибших защитников Кавказа. Они возложили цветы к могиле Неизвестного солдата, у которой был выстроен почетный караул.

Обратившись к собравшимся, председатель Центрального союза ветеранов войны, труда и вооруженных сил Грузии Энвер Купатадзе говорил об историческом значении битвы за Кавказ, которая стала одним из переломных моментов в ходе самой страшной войны в истории человечества, во многом определила дальнейший ее ход и, в конечном итоге, победу над фашистской Германией. Ее окончанием считается полное освобождение Таманского полуострова, завершившее Новороссийско-Таманскую операцию 9 октября 1943 года. А началась битва за Кавказ летом 1942-го. Остановить наступление и отбросить врага оказалось возможным ценой огромных усилий и колоссальных человеческих жертв (потери в рядах Красной Армии оцениваются в 344 тысячи человек).

У Вечного огня выступили руководитель Тбилисской городской организации ветеранов, участник Великой Отечественной войны, полковник в отставке Мосе Мдинарадзе, ветеран войны, профессор Шота Буадзе, представительница городского департамента по делам ветеранов Мери Чилашвили, ветеран труда Аполлон Чипашвили. Прославленный грузинский поэт Джансуг Чарквиани, который находился в составе грузинской делегации, доставившей в Тбилиси прах Неизвестного солдата, прочел свое новое стихотворение, посвященное защитникам Кавказа. А заместитель председателя Союза писателей Грузии Давид Шемокмедели отметил, что ветераны Великой Отечественной войны остаются нравственным ориентиром для будущих поколений. Долгих лет и крепкого здоровья пожелала участникам войны дочь легендарного героя битвы за Кавказ капитана Михаила Бухаидзе – Дареджан Бухаидзе.

Леван Гугава. 1940-е гг.

Дэви БЕРДЗЕНИШВИЛИ

На церемонии награждения. Баку. 2010

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ИЗВЕСТНЫ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ИМЕНИ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО В ЭТОМ ГОДУ ДОШЛА ДО СТРАН ЮЖНОГО КАВКАЗА. А ТОЧНЕЕ, ДО АЗЕРБАЙДЖАНА И ГРУЗИИ, И ЦЕРЕМОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ ПРОХОДИЛА 1 ОКТЯБРЯ В БАКУ. БЛИЖАЙШИХ СОСЕДЕЙ СОЕДИНИЛИ В ОДИН БУКЕТ, ЧТО АБСОЛЮТНО ЛОГИЧНО, УЧИТЫВАЯ ВЕКОВЫЕ СВЯЗИ ДВУХ НАРОДОВ. СРАЗУ НАДО ОТМЕТИТЬ, ЧТО ПРЕМИЯ ПРЕДНАЗНАЧЕНА ДЛЯ ЛИТЕРАТОРОВ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ, ПИШУЩИХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, А ЕЕ УЧРЕДИТЕЛЕМ ЯВЛЯЕТСЯ ДЕПАРТАМЕНТ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ Г. МОСКВЫ И МОСКОВСКИЙ ФОНД МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ИМЕНИ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО, ЗАНИМАЮЩИЙСЯ ПОДДЕРЖКОЙ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ В РАЗНЫХ СФЕРАХ, В ТОМ ЧИСЛЕ, В КУЛЬТУРЕ И ОБРАЗОВАНИИ.

ИЗ ИСТОРИИ КОНКУРСА

Конкурс для русскоязычных литераторов проводит Фондом с 2004 года с вручением лауреатам специального знака и денежной премии. Начиналось все с Украины, где он проходил первые четыре года. Партнером Фонда в Киеве был известный русскоязычный литературный журнал «Радуга», его редакция занималась первичным отбором из сотен произведений, их рассматривали профессионалы и лучшие 30-40 передавали в Москву, где жюри принимало окончательное решение. Жюри смешанное, в нем не только литературные критики и руководители творческих союзов, но и значимые лица из Фонда и правительства Москвы. На конкурс могут быть представлены произведения художественной и документальной прозы, краеведческая литература, поэтические сборники, изданные за последние три года. Премия присуждается писателям, поэтам, журналистам, литературным критикам, русистам, издателям или коллективу авторов за произведения, внесшие вклад в развитие художественных традиций русской литературы и русского языка в зарубежных странах. О замечательных последствиях премии можно было узнать «из первых уст», от главного редактора журнала «Радуга» и члена жюри конкурса Юрия Ковальского, приглашенного на церемонию награждения в Баку. К примеру, лауреат премии Александр Кабанов спустя год получил премию знаменитого московского журнала «Новый мир», стал участником Международного русско-грузинского поэтического фестиваля в Тбилиси, а произведения других украинских лауреатов Владимира Каденко, Ирины Евса, Ирэн Роздобудько стали востребованными в Москве.

География литературной премии имени Юрия Долгорукого постепенно расширялась: был проведен совместный конкурс литераторов Украины, Молдавии и Приднестровья, затем литераторов стран Прибалтики. В прошлом году в планах были Азербайджан и Грузия, а в перспективе – все Закавказье и Средняя Азия. Но в связи с общим экономическим кризисом возник дефицит городского бюджета Москвы, и конкурс на соискание литературной премии был отложен. По информации Фонда, финансирование для проведения конкурса в Азербайджане и Грузии поступило в этом году, но поздно, и в странах-участницах известно о нем стало лишь в августе, в разгар сезона отпусков, и многие литераторы (во всяком случае, в Грузии) просто не знали о конкурсе, а другие, узнав из газет, практически не успели подать свои заявки. Жаль, конечно.

Культурно-духовную близость стран СНГ необходимо поддерживать. Недаром в положении о конкурсе сказано, что «премия направлена на сохранение русского языка как инструмента межнационального общения». Соотечественник – это не национальность, не религия, не страна проживания, это – язык, и главное его хранилище – литература.

Теперь уже очевидно, что не во всех странах, которые обрели независимость, поддерживается русский язык, в некоторых из них остаются лишь крупинки русской словесности. Потому так важно расширять культурный обмен, развивать литературные отношения. И конкурс – это не только возможность познакомиться с интересными произведениями, но и шанс для современных русскоязычных авторов заявить о себе, раскрыться, ощутить, что их творчество нужно и интересно. Для творческих людей это необходимо, ведь они люди тонкие и ранимые, а особенно важно для молодых авторов, чтобы они могли понять и оценить свои перспективы. Хотя всем известно, что литература, как и любое искусство, дело вкуса, и понравиться всем невозможно. Если только лет через сто.

ЦЕРЕМОНИЯ НАГРАЖДЕНИЯ

1 октября, в день награждения литераторов в Баку в отеле «Европа» было особенно многолюдно. В зале на стене – банер литературной премии Юрия Долгорукого, почетным рядом стоят флаги Азербайджана, Грузии, России, Москвы. Пресса, телевидение, вспышки фотокамер – все как полагается – ведь в торжественных церемониях традиционно принимают участие значительные фигуры принимающей стороны, правительства Москвы и Мосгордумы, представители творческой интеллигенции и, разумеется, сами лауреаты и дипломанты премии. Сначала прошла пресс-конференция с полной информацией о премии, ее истории, лауреатах, а потом – торжественная церемония награждения.

Лауреатами премии от Азербайджана стали: в номинации «Проза» Георгий Заплетин и Гюльнара Ширин-заде за исторические очерки «Русские в истории Азербайджана», а также Гусейнбала Мираламов, депутат Милли Меджлиса, один из 100 лидеров промышленности и науки СНГ, за книгу «Зафира Алиева» из серии «ЖЗЛ». Звание лауреата в номинации «За вклад в русскую культуру» получил Эльчин Искандер-заде, а дипломантом стал Ильхам Гаджиев.

Из Грузии звание лауреата в номинации «Поэзия» был удостоен известный поэт Владимир Саришвили за книгу стихов «AFTERLIFE», а дипломантами премии стали поэт Мария Фарги за поэтический сборник «Вре-

мя потерь», поэт и бард Людмила Орагвелидзе за книгу стихов «За фасадами» и писатель, сценарист Нина Гоголишвили за сборник рассказов, пьес и киносценариев «Никогда не говори никогда». К сожалению, двое из них не смогли приехать в Баку – Владимир Саришвили по состоянию здоровья, а Людмила Орагвелидзе в это

Награждение Марии Фарги

Вручение награды Нине Гоголишвили

время выступала с авторскими концертами в Москве.

На церемонии награждения присутствовали депутаты Милли Меджлиса Хады Раджабли и Михаил Забелин (он же председатель русской общины Азербайджана), посол РФ в Азербайджане В. Д. Дорохин, представитель Московского Фонда международного сотрудничества имени Юрия Долгорукого в Азербайджане Гаиг Юсуф-заде, представители православной церкви, руководители и активисты обществ российских соотечественников Азербайджана. Среди российских гостей – заместитель главы ДВМС г. Москвы А.А.Сорокин, директор Московского Фонда имени Юрия Долгорукого В.Е.Зуев и заместитель директора О.В.Санин, председатель Московской организации Союза писателей, член жюри В.Г.Бояринов, ответственный секретарь жюри конкурса М.А.Замшев. С грузинской стороны были приглашены президент Союза российских сооте-

чественников в Грузии «Отчизна» Валерий Сварчук и я как представитель Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», - мы оба принимали участие в организации конкурса в Грузии.

На торжественном вечере основное внимание было приковано к московским гостям, они рассказывали о программах Москвы по поддержке соотечественников, о реализации государственной программы РФ, направ-

В зале во время награждения

ленной на развитие русского языка и культуры, много говорили и о премии, ее роли в сохранении русского языка. В свою очередь азербайджанские представители подчеркивали, что интерес к русскому языку у них в стране не иссяк, не была закрыта ни одна русская школа, в Бакинском университете на каждом факультете есть русский сектор, и цели у студентов вполне прагматические – если не знать русский язык, как получать новейшую информацию по специальности и как общаться с коллегами из стран СНГ? О бережном отношении к русскому языку я знала еще с 2006 года из поездки в Баку на международный фестиваль русской книги. С тех пор сохранилась в памяти встреча со студентами Бакинского Славянского университета – битком набитый огромный актов зал и неподдельный интерес молодежи. Сейчас мы услышали еще одну важную новость – в Баку открыт филиал МГУ, диплом которого ценится во всем мире.

К сожалению, выступление грузинской делегации на церемонии вручения премии в программу не было включено, хотя нам было о чем говорить на этой встрече. Не только о состоянии русского языка в Грузии, а например, о концерте молодых исполнителей русского романса, проведенном Союзом «Русский клуб» или о самом значительном проекте Союза – Международном русско-грузинском поэтическом фестивале, прошедшем в Грузии уже в четвертый раз. Кстати, его участниками были все три поэта, получившие в Баку премию Долгорукого. В зале присутствовала и азербайджанская участница нашего фестиваля Алина Талыбова, ведущая отдел поэзии в журнале «Литературный Азербайджан», случайно узнавшая о премии имени Долгорукого за день до этой церемонии, причем из Грузии, от нас. Жаль, что на этой встрече не получилось широкого общения с литераторами Азербайджана, хотя грузинская делегация рассчитывала на это. Основная проблема постсоветских стран – литературно-информационный

вакуум. Новые имена авторов неизвестны за пределами своего независимого государства. Литераторам из Тбилиси хотелось познакомиться с местными коллегами и их творчеством, поделиться впечатлениями, получить отклик, обменяться публикациями и предложениями. Ведь многонациональный Баку в советское время был одним из лидеров русскоязычной литературы, особенно в 70-е годы. И эти традиции наверняка не угасли, а нынешняя номенклатурная документалистика – лишь верхушка мощного литературного айсберга Азербайджана.

С русскоязычным литературным авангардом Баку нам встретиться не удалось, зато на заключительном концерте можно было с удовольствием услышать многие известные и любимые русские и азербайджанские песни в замечательном исполнении и даже бардовскую песню. Сюрпризом концерта стал его заключительный номер – первое публичное выступление 10-летнего Ибрагима Насруллаева. Уникальное дарование, не уступающее юному Робертино Лоретти, да еще с такой тонкостью, глубиной и восточным темпераментом. Романс «Не жалею, не зову, не плачу» чистым детским голосом мне слышится и сейчас, он звучал в его исполнении почти как молитва. В юном певце реализовался главный посыл премии имени Долгорукого – поиск и поддержка молодых дарований. Поиск – налицо, а поддержка оказалась рядом – в зале немедленно нашлись спонсоры.

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ БАКУ

На следующий день малочисленную грузинскую делегацию гостеприимные хозяева до вечернего поезда взяли под свою опеку. Знакомство с сегодняшним Баку и его историческими окрестностями было незабываемым. «Азербайджан, купель огня, гряда несокрушимых башен» - эти строки Мансура Векилова пришли на память, когда нас повезли в Гобустан, в музей под открытым небом, в Бакинский Историко-этнографический и художественный заповедник. На пути газовые факелы, горящие на побережье, а дальше причудливые скалы, из которых природа соорудила скульптурные композиции, будто великан прошелся по планете и разбросал их для потомков – любуйтесь. Описывать этот скальный массив, жилища-пещеры, наскальные изображения – петроглифы – нет смысла. Этот художественный «архив» надо видеть. Так же, как камни-буны, у каждого из них – свой тембр, или необычную «посуду» - углубления, высеченные в камне для сбора воды. Недаром Гобустан номинирован на включение в список «Всемирного наследия» ЮНЕСКО.

Поездки, экскурсии, встречи были приятными для всех, но и профессиональные интересы не забывались. Главная проблема – восстановление связей. О перспективах и новых возможностях для широкого общения шли разговоры постоянно. Бакинцы предлагают обмениваться информацией о мероприятиях друг друга и по возможности принимать в них участие. Разумеется, и тбилисцы рады этому. За годы кардинальных перемен что-то сломалось, но можно попытаться это исправить. Хорошо, что кто-то берется объединить разномастную пишущую братию, где столько разносторонних, талантливых людей. Так что встреча в Баку при неизбежных организационных шероховатостях была плодотворной. Дай бог, чтобы эта проторенная дорога литературных контактов не кончалась, а планы не оставались бы только на бумаге.

Вепа ЦЕПЕТЕЛИ

НА БЕРЕГАХ ВОЛГИ

КОГДА В 1988-М ИРМА, ОКОНЧИВ ШКОЛУ, РЕШИЛА СТАТЬ АКТРИСОЙ, ОНА ЕЩЕ НЕ ЗНАЛА, КАКИЕ СЮРПРИЗЫ ГОТОВИТ ЕЙ ЖИЗНЬ. МОЛОДАЯ ДЕВУШКА РЕШИТЕЛЬНО НАПРАВИЛАСЬ В НЕБОЛЬШОЙ ГОРОД БАГДАДИ ВБЛИЗИ ОТ ЕЕ РОДНОГО КУТАИСИ.

ИМЕННО ТУДА, ГДЕ КОГДА-ТО РОДИЛСЯ И ЖИЛ ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ. ОНА ПОДНЯЛАСЬ ПО СТУПЕНЬКАМ ГОРОДСКОГО ТЕАТРА И ПОПРОСИЛАСЬ В АКТРИСЫ. НА УДИВЛЕНИЕ, ИРМУ ВЗЯЛИ В ТРУППУ. НА ОТКРЫТИЕ СЕЗОНА В ТЕАТРЕ СТАВИЛИ ПЬЕСУ «НЕВЗГОДЫ ДАРИСПАНА» ДАВИДА КЛДИАШВИЛИ. РЕЖИССЕР СКАЗАЛ, ЧТО В СЦЕНЕ СВАТОВСТВА НУЖЕН ГРУЗИНСКИЙ ТАНЕЦ, КОТОРЫЙ ДОЛЖНА СТАНЦЕВАТЬ МОЛОДАЯ ДЕВУШКА. ХОРЕОГРАФ СОСО ГОГСАДЗЕ ПОСТАВИЛ ЭТОТ ТАНЕЦ С ИРМОЙ, КОТОРЫЙ ОНА СТАНЦЕВАЛА НАСТОЛЬКО БЛИСТАТЕЛЬНО, ЧТО НАВСЕГДА И БЕСПОВОРОТНО ПОКОРИЛА СЕРДЦЕ ХОРЕОГРАФА. ЧЕРЕЗ ДВА

МЕСЯЦА ОНА СТАЛА ЕГО ЖЕНОЙ. ТАК, В ПОИСКАХ АКТЕРСКОЙ СУДЬБЫ, ИРМА ОБРЕЛА СВОЕ ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ. В КУТАИСИ ЖЕ ОНА ОКОНЧИЛА ГУМАНИТАРНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ, СТАВ ФИЛОЛОГОМ ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКА. И КАК ПОКАЗАЛА ЖИЗНЬ, ТОЖЕ НЕ НАПРАСНО.

ЗДЕСЬ, В ГРУЗИИ, У ЧЕТЫ ГОГСАДЗЕ РОДИЛИСЬ ДВЕ ДОЧКИ, МАРЬЯМ И КЕТЕВАН, А В 1996-М ОНИ УЕХАЛИ В РОССИЮ.

Я ВСТРЕТИЛАСЬ С ИРМОЙ ЭТИМ ЛЕТОМ, КОГДА ОНА С СЕМЬЕЙ ПРИЕХАЛА В ГРУЗИЮ. НАША БЕСЕДА НЕРЕДКО ПРЕРЫВАЛАСЬ ЕЕ ВОСТОРЖЕННЫМИ ВОСКЛИЦАНИЯМИ О ТОМ, КАК СЧАСТЛИВА ОНА НАХОДИТСЯ В РОДНОЙ СТРАНЕ. И КАК НЕ НАРАДУЕТСЯ ОНА ТОМУ, ЧТО ГРУЗИЯ РАСЦВЕТАЕТ ПРЯМО НА ГЛАЗАХ.

ОНА ТАКЖЕ ПОДЕЛИЛАСЬ СЕМЕЙНОЙ РАДОСТЬЮ – ИХ ТРЕТЬЕГО РЕБЕНКА, ГЕОРГИЯ, РОДИВШЕГОСЯ В РОССИИ, В ЧИСЛЕ 700 ГРУЗИНСКИХ ДЕТЕЙ КРЕСТИЛ 13 ИЮЛЯ В МЦХЕТА, В ХРАМЕ СВЕТИЦХОВЕЛИ САМ КАТОЛИКОС-ПАТРИАРХ ВСЕЯ ГРУЗИИ ИЛИА ВТОРОЙ. А ТАК КАК ДЛЯ ЭТОГО СЕМЬЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ВЕНЧАННОЙ, ТО ДНЕМ РАНЬШЕ, 12 ИЮЛЯ ОНИ С МУЖЕМ СОСО ОБВЕНЧАЛИСЬ В ЦЕРКВИ ПЕТРА И ПАВЛА, ЧТО В КРЕПОСТИ НАРИКАЛА. ЧУВСТВО РАДОСТИ, СВЯЗАННОЕ С ЭТИМИ СОБЫТИЯМИ, ТАК ПЕРЕПОЛНЯЛО МОЮ СОБЕСЕДНИЦУ, ЧТО ГЛАЗА ЕЕ СИЯЛИ.

НО ТЕМА НАШЕЙ ВСТРЕЧИ БЫЛА ДРУГОЙ. ИРМА ГОГСАДЗЕ – ОДНА ИЗ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГРУЗИН «ИБЕРИЯ». А МУЖ ЕЕ СОСО ГОГСАДЗЕ – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГРУЗИНСКОЙ ДИАСПОРЫ В ВОЛГОГРАДЕ.

– Ирма, что послужило причиной вашего отъезда из Грузии?

– Времена были тяжелые. Трудно было содержать семью. Несмотря на то, что у мужа было много и работы, и учеников, зарплаты почти не было. Как-то из Волгограда приехал одноклассник Сосо и, видя наше бедственное положение, предложил свою помощь. Он походил по волгоградским школам и в 93-й оказался профиль искусств. Мы отправили туда видеозаписи ре-

петиций и концертов Сосо. И вскоре муж получил приглашение на работу. Хотя и трудно было расставаться с родными, но для нас это был выход. Сосо был принят учителем хореографии и ритмики. Меня тоже взяли хореографом, но вскоре перевели заведующей школьной библиотекой, где я и работаю.

– А у вас не было проблем с русским языком? Вы все-таки грузинскую филологию закончили.

– Да, но, во-первых, в школе, у меня русский язык шел хорошо. У меня подружка была русская, сейчас она в Москве. И я всегда старалась говорить с ней по-русски. Летом у нас часто бывали гости из России. И в институте мы учили русский язык.

– И как вы устроились в России?

– Сначала снимали квартиру, а потом, увидев, как профессионально и с самоотдачей Сосо работает, директор школы постаралась, чтобы мы получили общежитие от завода, который шефствовал над школой. Через год мы получили одну комнату, потом еще одну... Затем нам разрешили пристроить свою кухню и в конце-концов у нас получилась двухкомнатная квартира. Получили российское гражданство.

Итак, у Ирмы и Сосо трое детей, более-менее нормальные условия жизни. Что же было дальше? А дальше им пришла в голову мысль открыть при этой же школе студию кавказских танцев. И директор школы №93 Анна Алексеевна Манохина их всячески поддерживала. С 2000 года студию «Саирме» стали посещать дети.

– Начинали мы с пяти человек. А потом, с января у нас уже было сто с лишним ребят. И не только кавказцы – русские, греки, украинцы, белорусы, татары... В нашу студию буквально хлынули дети многих национальностей, считай, весь Кавказ через нас проходит. Характерно, что и русские дети тянутся к нам. Они не просто приходят в студию, а приходят именно к нам, из-за интереса к кавказским танцам, таким красивым

Представители диаспор. Город Волгоград

и зажигательным. Да и грузинская танцевальная культура высока.

– И сами танцы красочные и проникновенные. С каких вы начали?

– С грузинских и начали. Мы поставили горский танец, женский хевсурский. Потом Сосо Зауриевич поставил аджарский, затем «давгур-картули». Постепенно в программе появились осетинский, абхазский, сванский, джигитовка, кинтаури, танец карачохели и еще сольные танцы. В настоящее время прибавились дагестанский девичий танец, азербайджанский, чеченский и армянский.

– В этой студии дети обучались четыре года. А что дальше?

– Когда мы выпустили детей из студии после 4-х лет платного обучения, дети не хотели уходить. Мы подумали: что-то с ними надо делать. И решили – раз дети не уходят, пусть будет отдельный ансамбль.

– Тоже платный?

– Нет, уже в ансамбле дети занимаются бесплатно. В них занимаются старшие, из тех, кто закончил студию. Например, из первого выпуска студии у нас в ансамбле четверо ребят – и они все русские, между прочим...

– Как интересно...

– Да-да-да... и очень приятно на них смотреть: дети очень хорошие. Они так давно с нами, что у нас такое ощущение, что мы – одна семья. И ансамбль начал работать усиленно. Студия – два раза в неделю, а старший ансамбль – 4 раза в неделю по три часа. Это нам помогло получить звание «образцового» и «народного». Теперь наш средний ансамбль (студийный) называется «Образцовый кавказский хореографический ансамбль «Саирме»», а старший носит звание «народный ансамбль кавказских танцев «Саирме»».

– Трудно было получить эти звания?

– Да, нелегко. Но у нас столько дипломов, столько побед, столько благодарственных писем... Наша работа сама говорит за себя. Сосо перешел работать в школу искусств №8. И по вечерам репетирует средняя групп-студия. А со старшим ансамблем он занимается в центре культуры и досуга «Родина».

– Опять же бесплатно? Что же толкает его на то, чтобы бесплатно заниматься?

– Я тоже часто задаю этот вопрос... Сосо очень лю-

бит свою работу, он может в Чечню поехать – за свой счет, к старым мастерам, что шьют на заказ «азиатские» (танцевальные сапоги для мальчиков – К.Б.). За свой счет он может поехать в Дагестан заказать ремни или папахи. Просто он преданный своему делу человек.

– А как с костюмами?

– Костюмы мы шьем сами. У нас замечательная портниха, Марина, шьет очень хорошо. Мы вместе просматриваем видеоматериалы, и решаем – что нужно для того или иного костюма, какие лучше ткани подойдут, какая фурнитура...

– Где вы берете украшения?

– Знаете, сейчас из-за того, что восток в большой моде в России, есть всевозможные украшения, которые мы подбираем вместе с Сосо и портнихой.

– Наверное, такому ансамблю сложно без спонсоров.

– Иногда, правда, с протянутой рукой приходится ходить. Однако находятся добрые люди. Например, депутат городской думы Юрий Гончаров, который несколько раз помогал нам материально. Еще нам помог наш соотечественник Георгий Джикия, директор завода. Постоянных спонсоров нет, немножко тот поможет, немножко этот... Есть еще Мамука Микеладзе, прекрасный человек, живет в Волгограде, благодаря ему наши мальчики теперь танцуют с кинжалами.

– Как насчет гастролой?

– Мы даже в Австрию ездили. Там был фестиваль Балатон-2001. Мы получили приглашение. Мэр города спонсировал поездку, ребята Гран-при привезли и были очень довольны. Еще наш ансамбль ездил в Железноводск на фестиваль «Жемчужина Кавказа», где мы получили диплом «Лучшая балетмейстерская работа». А что касается Волгограда, то не бывает в городе или в области концертов, праздничных мероприятий, конкурсов, чтобы мы не принимали в них участия. На 9 мая у нас столько концертов было – в городе на открытых площадках, в концертных залах... Вот на днях позвонили мне в Грузию и просили подать заявку на участие в фестивале 12 сентября в Волгограде, где нужно будет показать не только танцы, но и нашу кухню, и грузинский свадебный обряд. Мы там будем и, конечно же, примем участие.

– А когда у вас появилась идея как-то организовать грузинскую диаспору?

– Наша диаспора связана с деятельностью ансамбля. Судите сами. В Волгограде 33 диаспоры, а грузинской долго не было. Хотя на любые мероприятия в городе, связанные с диаспорами, все время звали Сосо Зауриевича: грузинский ансамбль в городе был только один – наш «Саирме». Мы не только танцевали. Принимали участие в культурных программах, в различных встречах между диаспорами, где предоставляли, например, свою кухню, обряды, костюмы или музыку. И год назад собрались грузины города и решили, что в конце-концов надо зарегистрировать нашу диаспору. Мы назвали ее Волгоградская областная общественная организация грузин «Иберия». Сосо был единогласно выбран председателем диаспоры. В состав правления вошли пять человек. Лана Чанкселиани, преподаватель Волгоградского Государственного Университета, которая к тому же является членом молодежной администрации города Волгограда. Русудан Гегечкори, юрист. 7-й городской больницы. Нодар Чамурлиев, преподаватель Волгоградской сельскохозяйственной академии, по национальности он грек, но родом из Грузии. И мы с Сосо Зауриевичем. В состав ревизионной комиссии

нашей «Иберии» вошли: грузинка из Очамчиры Маквала Арчал, Майя Базлидзе и Давид Гогитидзе.

– *И в чем заключается ваша деятельность?*

– У нас воскресная школа, я обучаю детей грузинскому языку, письменности, литературе и истории. Собираемся мы в офисе, который снимаем, а плата за обучение идет на оплату аренды офиса. Можно сказать, я работаю бесплатно. Большинство учеников воскресной школы – дети школьного возраста, грузины или дети из смешанных семей. Бывает, что приходят и русские мамы, просят: можно посидеть чуть-чуть? Бесплатно я провожу семинары для взрослых.

– *А чему вы обучаете взрослых?*

– Тому, что им интересно. Например, они просят: поговорим сегодня о грузинской литературе. И мы начинаем о литературе. Или, например, говорят: пускай сегодня нашей темой будет история Грузии. Иногда просят поработать со словарем, и мы оттачиваем грузинскую разговорную речь.

– *Вот где пригодилось ваше филологическое образование...*

– Да, не зря у меня диплом грузинского филолога... Еще, мы каждый Новый год, День Матери, и День независимости Грузии встречаем вместе. Собирается нас в кафе 50-60 семей, накрывается грузинский стол, обязательная культурная программа: грузинские танцы, песни, воскресная школа готовит литературную программу. Мы часто помогаем друг другу, приходим на помощь в трудные минуты, поддерживаем материально. Но нам всего лишь год. В политику мы не вмешиваемся, у нас чисто культурно-просветительская деятельность. Волгоград – многонациональный город. 15 лет мы живем в нем и можем сказать, что город очень дружен. И отношения между национальностями очень дружеские. Немало делается для того, чтобы эти отношения укреплялись.

– *А как себя ваши дети чувствуют?*

– Мы детей воспитываем строго. Грузинский язык знают – и пишут, и читают. Марьям закончила 93-ю школу, поступила в медицинский колледж и Волгоградский государственный университет, учится на психолога. Кетеван окончила спортивную школу, учится по специальности, она мастер спорта по дзюдо и самбо. А Георгий перешел в третий класс.

– *Все они через ансамбль проходили?*

– Марьям до замужества танцевала, Кетеван танцевала мало. А Георгий... я переживала, что он не тянется к танцам, но Сосо меня успокаивал – придет время и он захочет. И вот в сентябре ребенок сказал: я хочу пойти к папе в студию. И, знаете, так втянулся. У него много русских друзей, в том числе и в ансамбле.

– *Вы, грузинская семья, находитесь в России. В чем ваша миссия, так скажем?*

– «Миссия» – громко сказано. Знаете, мы кроме искусства, ничего другого не умеем... Национальный ансамбль танца должен пропагандировать национальную культуру. И мы через наше искусство пытаемся показать, кто мы есть, хотим, чтобы о нашей родине узнали как можно больше людей. Узнали и полюбили ее.

– *Можно сказать, что через вас Россия познает Грузию?*

– Да, наверное... Мы всем нашим детям говорим: по нам судят о наших народах, будьте достойны... Ведь к нам приходят не только грузинские дети, но и русские, армяне, азербайджанцы, греки, чеченцы, ингуши, дагестанцы... И знаете что происходит? Они начинают

дружить! Все удивляются, как это у Сосо Зауриевича получается, что дети разных обычаев, культур, веры, разного воспитания, и так дружно живут? Что они всегда слушаются друг друга, готовы постоять друг за друга... Где бы мы ни были, везде удивляются нашим добрым отношениям.

– *Ваша супружеская чета воспитала в этих разных детях грузинский стиль поведения: рыцарство, благородство, культ дружбы... Это их объединяет, на мой взгляд, и останется с ними навсегда.*

– Когда мы получаем благодарственные письма, там тоже отмечается, что мы укрепляем международные отношения в Волгоградской области. И когда

Грузинские флаги в центре города-героя

Хореографический ансамбль «Саирме»

телевидение делает о нас репортажи, всегда подчеркивается: это не просто профессиональный коллектив, это большая творческая многонациональная семья.

– *Какое у вас ощущение – вы на месте? Вы делаете нужное дело и правильно живете?*

– Я надеюсь, что живу правильно. Нас, знаете, что больше всего радует? Дети, которые ушли из нашего ансамбля, не теряются. Постоянно приходят на концерты, когда находят время, забегают на репетиции. И всегда с такой благодарностью и с таким уважением.

– Я думаю это как раз таки показатель, что ваша жизнь правильная и ваш труд не напрасен. И, наверное, это самое важное, что вы делаете в своей жизни. Удачи вам и больших успехов!

Клара БАРАТАШВИЛИ

**УГОЩАЕТ
БОРИС БУРДА**

ИНТЕЛЛЕКТУАЛ, КУЛИНАР, МЕНЕСТРЕЛЬ

«Времени нет, ах, как времени мало, надо туда, и сюда б не мешало... Надо, но времени нет!» - пел незабвенный Андрей Миронов, выражая в этих строках одну из главных бед нашей сорвавшейся с цепи эпохи. Действительно, как-то не складывается у нас «с тем повидаться, а этих проведать», зато «сбегать, слетать, позабыть пообедать» - это всегда пожалуйста...

Вот и наши батумские беседы с Борисом Бурдой, легендарным знатоком Международной Ассоциации Клубов «Что? Где? Когда?», на последнем чемпионате Южного Кавказа по интеллектуальным играм проходили в «рваном режиме» - то в холле гостиницы, то в автобусе по дороге на очередной тур, то в баскетбольном зале «Баско», в перерывах между турами... Борис Бурда с коллегами Александром Друзем, Ильей Новиковым, Леонидом Климовичем, Еленой Потаниной трудились над редактурой вопросов. Надо ведь было учесть, что команды из Азербайджана, Армении и Грузии в большинстве своем не являются носителями русского языка, на котором шла игра. Следовательно, вопросы должны были соответствовать универсальным ценностям.

По окончании основного турнира по «Что? Где? Когда?», я приехал в гостиницу «Спутник», на террасе которой должен был проходить самый азартный из интеллектуальных турниров - «Брейн-ринг». До начала игры оставалось еще часа полтора. Из холла вдруг вышел Борис Бурда с видом человека, не знающего, что делать с «окном» между этапами напряженной работы. «Ну, мы найдем выход», - подумал я и после приветствий напомнил Борису о его сенсационной покупке куртки на стамбульской ярмарке. Продавец-турок, демонстрируя «фирменную» нашивку, уверял Бориса, что куртка американская, но Борис Оскарович на хитрость не поддался и «патриотично» заявил: «Американское не люблю, турецкое люблю». После чего купил куртку с огромной скидкой.

Увлечшись веселыми воспоминаниями, мы расположились в креслах холла, и беседа началась...

- Вы в Батуми уже не в первый раз...

- Далеко не в первый! В 2005 году я даже довольно много снимал в Батуми для своей кулинарной телепрограммы «Вкусно с Борисом Бурдой». За пять лет моего отсутствия в городе много хороших перемен: новые роскошные отели, аквапарк, прекрасные бульвары, много новых точек общепита, к чему у меня имеется вполне понятный профессиональный интерес... Не могу сказать, что в Батуми совсем нечего делать для повышения уровня сервиса, но с учетом традиционного грузинского гостеприимства и радушия для достижения высот и в этом вопросе нет ничего невозможного. Мне в Батуми особо повезло: встретил давнюю знакомую, участницу молодежного клубного движения начала 80-х. За столом в ее доме я еще раз вспомнил собственные слова, что если бы размеры и мощь страны зависели бы только от ее успехов на кулинарном поприще, Грузия была бы сверхдержавой...

- Все знают вас как «знатока». Но о Борисе Бурде, кулинару и менестреле, читатели, в особенности в Грузии, в большинстве своем толком ничего и не знают... Ликвидируем это «белое пятно»?

- Я сдал в издательство уже девятую кулинарную книгу, «Кулинарные панегирики» - третью книгу серии, начало которой составили «Кулинарные оды» и «Кулинарные мадригалы». Все это книги о связи кулинарии с культурой, о том, что без знания кулинарии народа наше представление о нем остается разительно неполным. А в октябре в серии издательства «Эксмо» «Новый одесский юмор» выйдет моя первая в жизни юмористическая книжка. Для многих неодесситов существует жутко искаженное и совершенно неинтересное представление об одесском юморе, основанное на вульгарных песенках и пошлых анекдотах, которые в Одессе и услышать-то нельзя. Хочется это заблуждение хоть отчасти развеять...

- Какой же кухне вы отдаете предпочтение?

- По-моему, это вопрос риторический. Ведь что такое выраженное предпочтение? К примеру, вы знакомы со всеми тонкостями своей национальной кухни, вам ведомы ее азы. Разумеется, вы будете отдавать ей предпочтение, но как только вы по-настоящему глубоко изведаете прелести другой богатой национальной кухни, вы обнаруживаете в ней замечательные вещи, которые невозможно не полюбить.

- Говорят, что вы не только теоретик, но и сами за-

мечательно готовите... Кстати, позвольте угостить вас лавровишней. Она растет только в Аджарии, туризма не признает и очень полезна для сердца...

- Весьма пикантно.

- Горжусь, что познакомил самого Бориса Бурду с новым вкусом...

- Что касается моих поварских способностей... Наверное, показательно, что мои московские друзья, когда я приезжаю в Белокаменную, непременно спрашивают меня не только заглянуть к ним в гости, но и приготовить что-нибудь из полубившегося меню.

- А что вам более всего удается?

- На подобные вопросы предпочитаю не отвечать, чтобы не оказаться в роли полковника из анекдота, которому сослуживцы решили не дарить на именины книгу, «потому что одна у него уже есть»...

- Но, к примеру, кондитер и специалист по мясным блюдам – это разные «материки» кулинарии. На каком же из них вам все-таки уютнее?

- Я достаточно универсальный повар. Умею готовить и сладкое, и супы, и вторые блюда. И все-таки есть серия изысков, которые мне удаются лучше всего. Это мексикано-калифорнийское блюдо чили, классический еврейский деликатес – кисло-сладкое мясо, мясо по-бургундски, клэм-чаудер – весьма популярный в США суп из морских моллюсков. Основа этого супа – моллюск клэм, так называемый малый гребешок, но подойдут и любые другие обитатели своей скорлупы.

- Можно будет отыскать вашу новую кулинарную книгу в интернете?

- Издательство будет судиться. Когда я подписывал контракт, обязался не допускать выхода книги в интернет. Но обычно такого рода пиратских акций трудно избежать. В интернетовских библиотеках гуляют мои книги. Но права на них принадлежат уже не мне, и это чужая проблема. В числе гуляющих по интернету и недавно выпущенная мною книга, которую я очень ценю – это «Великие романы».

- Особо цените почему?

- Потому что это первая книга, которую я написал о любви.

- А что вас на это сподвигло? «Года к суровой прозе клонят»?

- Я просто уяснил для себя не только то, что к любовным историям у читателей непреходящий интерес – это и так всем известно. Важнее, что подобные истории известных исторических фигур доходят до широкой аудитории в весьма извращенном виде. Вот я и попытался докопаться до истины.

- Деликатно?

- Неделикатным по отношению к этим людям быть невозможно, потому что все они уже мертвы. Но за ширмой деликатности не должно скрываться то, что кажется читателю невероятным или просто не нравится...

- В чем же отличие вашего подхода от метода других авторов биографических произведений, скажем, Моруа?

- Все исторические биографии, в той или иной степени, расследования. И я провожу собственное расследование – а что там было на самом деле между Джулио Мазарини и Анной Австрийской, которых Дюма выставляет в весьма неблагоприятном свете? Или какова подлинная подоплека отношений адмирала Нельсона и леди Гамильтон?

- И к каким выводам вы пришли?

- Это роман выходцев из низов, которые рвались «наверх» с гораздо большей энергией, чем потомственные дворяне, унаследовавшие высокое положение в обществе. Но главное – вопреки расхожему мнению, я не считаю леди Гамильтон женщиной неблагодарной. Своим мужчинам она служила преданно и верно, и не она, а они бросали и унижали ее. А лорд Гамильтон был единственным, кто возвысил ее до своего положения в обществе, женился на ней. И она была ему хорошей женой, отлич-

ной помощницей и советчицей. А с появлением Нельсона она ухитрилась добиться того, что все они трое остались добрыми друзьями, и когда лорд Гамильтон оказался на смертном одре, за одну руку его держала леди Гамильтон, а за другую – адмирал Нельсон. Мне представляется эта сцена эталоном благородства. Один из моих друзей точно подметил: если разведенный злословит о бывшей супруге, от него можно ждать любых гадостей.

- А где вы находите материал? Ведь для освещения столь непростых тем надо поднимать архивы...

- Это если бы я писал исторический труд. Мои же «Великие романы» представляют собой попытку психологической реконструкции. И для такого рода исследования подручных материалов вполне достаточно.

- А стихи продолжаете писать?

- Продолжаю.

- Диапазон ваших интересов и результаты, которых вы достигли, удивительны...

- Не знаю, достоинство это или недостаток – быть увлеченным многими сферами деятельности. Но мой хороший знакомый, профессор московского нефтехима Яков Исаевич Хургин, поделился как-то своими статистическими наблюдениями. По его подсчетам, существует 15-20 процентов людей, которые должны заниматься в жизни одним-единственным делом, а если они лезут в другое, им надо давать по рукам. Но подавляющее большинство людей устроено так, что заставь их заниматься одним, даже очень интересным и уважаемым делом, они по-

Поет Борис Бурда

теряют всю свою продуктивность, потому что просто не приемлют всем своим существом что-то одно, как константу.

- Мы забываем еще об одной вашей ипостаси – авторской песне...

- В свое время я был вице-президентом Всесоюзного совета Клубов самодетельной песни – КСП при ЦК ВЛКСМ и стал таким образом номенклатурой ЦК КПСС. Об этой моей деятельности можно прочитать в интернете на сайте русских бардов, где размещены и тексты моих песен.

- И, наконец, какие заказы вы получили в последнее время, что пишете?

- Я свободный человек, выполняю только те заказы, которые мне бы и самому хотелось осуществить. Пишу, что хочу, чего и всем пишушим желаю.

Владимир САРИШВИЛИ

Лали Брегвадзе-Кахиани

ЛАЛИ БРЕГВАДЗЕ-КАХИАНИ, ПИСАТЕЛЬ, ПЕРЕВОДЧИК. ЗАКОНЧИЛА ТБИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. ПРЕПОДАВАЛА ИСТОРИЮ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ, РАБОТАЛА РЕДАКТОРОМ В РАЗЛИЧНЫХ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВАХ. С 1987 ГОДА ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ. АВТОР НЕСКОЛЬКИХ СБОРНИКОВ РАССКАЗОВ – «ЛАСТОЧКИ ПРИЛЕТЕЛИ», «МАЛЬЧИКИ», «МИНОРНЫЙ АККОРД», «БЕЛАЯ СТЕПЬ» И ДР. ЕЙ ПРИНАДЛЕЖАТ ПЕРЕВОДЫ НА ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫК РОМАНА ИСПАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ МИГЕЛЯ ДЕЛИБЕСА, РАССКАЗОВ ХОРХЕ ЛУИСА БОРХЕСА. СБОРНИК ЕЕ РАССКАЗОВ «УЛЫБКА МАНЕКЕНА» ВЫШЕЛ ОТДЕЛЬНЫМ ИЗДАНИЕМ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПЕРЕВОД ВИКТОРИИ ЗИНИНОЙ). ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛАЛИ БРЕГВАДЗЕ-КАХИАНИ ПЕРЕВОДИЛИСЬ НА УКРАИНСКИЙ, АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ, АРМЯНСКИЙ, СЛОВАЦКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ, ФИНСКИЙ ЯЗЫКИ. ЯВЛЯЕТСЯ ОСНОВАТЕЛЕМ И ИЗДАТЕЛЕМ ГАЗЕТЫ «ИРАО» («ПАРЕНИЕ»). ВЫСОКОХУДОЖЕСТВЕННУЮ, ГЛУБОКО ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ПРОЗУ Л. БРЕГВАДЗЕ-КАХИАНИ ОТЛИЧАЕТ ЛЮБОВЬ И СОЧУВСТВИЕ К ЧЕЛОВЕКУ. И В КАКОМ БЫ ТРУДНОМ ПОЛОЖЕНИИ НИ ОКАЗЫВАЛСЯ ЕЕ ГЕРОЙ, ОНА ВСЕГДА ОСТАВЛЯЕТ ПРИОТКРЫТОЙ ШТОРУ НА ОКНЕ ДЛЯ ХОТЯ БЫ МАЛЕНЬКОГО ЛУЧИКА НАДЕЖДЫ.

НУ И ЧТО, ЧТО ТЫ РЫЖАЯ?

В холле в основном царил непривычный для гостиницы покой. Удивительно, но тишина стояла такая, какая обычно свойственна для домов отдыха. Вот первое впечатление от проведенных здесь нескольких дней, которое впрочем не изменилось и впоследствии, что очень импонировало Чену Джану. Он не любил шумные отели и всегда выбирал для проживания тихие места.

Редко, кто возникал у лифта с разъезжающимися в разные стороны дверьми. Чуть сутулившаяся в плечах девушка-лифтерша вперяла застывший безжизненный взгляд в своих пассажиров. Смотрела на них такими потухшими глазами, а молчаливый укор, читавшийся в них, был столь очевиден, что создавалось впечатление, будто это по их вине она проводила тоскливые, безрадостные дни в обслуживании лифта.

— Какой этаж? — спрашивала она профессиональным тоном.

Получив ответ, протягивала руку к кнопке и трогала лифт. Потом, опустив голову, сверлила глазами пол, отгородившись от всех стеной молчания.

У Чена не было знакомых в отеле. Девушка-лифтерша была единственной, с кем он столкнулся пару раз. Способный к языкам, Чен мог уже составить несложные предложения по-грузински, что очень нравилось местным и позволяло держаться ему как-то по-домашнему. Уже давно далекие путешествия стали для него привычным делом, и пребывание в таких глухих, тихих местах приносило ему истинное отдохновение. О лучшем и не помечтаешь, думал он, прекрасные условия оставаться наедине с собой. Он замечательно приспособился к царящей здесь атмосфере, получив возможность хранить в памяти шумные, подобные сюрреалистическим картинам встречи, как бесценные сокровища в сундуке.

Ему нравилось, что пронзительные краски осени уже тронули деревья вдоль широкого шоссе — это так радовало глаз. Здешняя осень казалась ему изумительной. Он не раз бывал в этих местах, останавливался в разных отелях, но здесь царило какое-то особенное спокойствие. Из окон его апартаментов, выходящих на зеленое шоссе, сквозь прозрачную дымку тумана виднелись темные очертания Кавказского хребта. Вид этих гор невольно рождал мысли о непостижимости вечности. А климат, мягкий, неповторимый, мгновенно восстанавливающий затраченную энергию, послужил поводом задержаться здесь на несколько дней дольше, чем он предполагал, чтобы обдумать свои грядущие планы, отдаться вдохновению.

Он не относился к категории людей, прикованных к мании «фен-шуй» своего рабочего стола. Он мог извлекать из своего подсознания идеи и реализовывать их везде, поскольку радость рождения новизны была естественна для него, она озаряла и умножала его возможности, была с ним на «ты», подобно ближайшему другу и, что главное, являлась предпосылкой той любви к нему, которую он ощущал в затаивших дыхание многолюдных залах.

Аплодисменты... Бурные аплодисменты... Испол-

ненные надежд... Аплодисменты –выражение благодарности, триумф и еще раз триумф...

Где только не читал он свои публичные лекции о многоступенчатом маркетинге – в Европе или Азии, чаще в Америке. Вот и на Кавказ пожаловал. Он был все еще молод и большую часть своего времени проводил в воздухе. Бороздил безграничные просторы, двигаясь вперед и вперед. А потом возвращался назад, домой, в родной Китай. В Шанхае его ждала мама, усохшая до предела, с водянистыми глазами, благословляющая его пути-дороги.

Чен ощущал себя гражданином мира. Так оно и было в действительности. Где бы ему не приходилось бывать, везде он проявлял искренний интерес к местным обычаям – пристально наблюдал за тем, что казалось ему характерным, выделял среди других, сознавал самобытность. Потом делал для себя выводы. И все больше и больше убеждался в том, что люди повсюду одинаковы – в той или иной мере радующиеся жизни. Недовольные нехваткой счастья и избытком невзгод. Редко довольствующиеся тем, что имеют, что выпало им в удел. Всем им мало достигнутого, каждый жаждет большего.

Это не плохо, думал Чен, неустранимость – двигатель жизни. Именно в таких слушателях он и нуждался. Он объяснял им технологии победы над собой, учил, как найти ключ к той потайной двери, владение которым открывало и перед ним самим все новые и новые горизонты. Он часто повторял, во что свято верил: лучше ничего не делать, чем делать неправильно. Хочешь достигнуть чего-нибудь в жизни, держись сильных и искусных.

Девушка-лифтерша с показным равнодушием стояла у открытых дверей пустого лифта, просматривая какой-то журнал – будто никого не ждала. На ней была темная юбка, поверх нее балахон такого же цвета, ношенный-переносный, почти вытертый от частых стирок.

Увидев подходящего к лифту Чена, она закрыла журнал, первой вошла в кабину и, строго взглянув на него, спросила:

崇友 豪華住宅電梯
NEW 六人份 透天層專用梯

– Какой этаж?

Чен улыбнулся. Он был уверен, девушка прекрасно знала, какой ему нужен этаж. Накануне она задала ему тот же вопрос, и Чен ответил ей. Но она постоянно прибегала к подобному маневру, тем самым подчеркивая, как ей казалось, наверное, свое преимущество перед гостями. Задавать вопросы входило в ее обязанности, оправдывало то, ради чего она согласилась на пребывание с утра до вечера в этом маленьком безвоздушном пространстве в отрыве от остального мира. И как бы компенсируя свой стоицизм, которым невольно колола всем глаза, она использовала этот бессменный порядок двух слов как средство самоутверждения и самореализации: «Какой этаж?»

Прекрасно разбирающийся в человеческой психологии, Чен почувствовал к ней жалость. Целыми днями она дышит в этой принудительной камере чужими выдохами, не говоря уже о прочем, она превратилась в какую-то машину, механически выполняющую свою работу, забыла, что такое улыбка – жизнь успела убить ее в ней. Девушка была так далека от тех жаждущих новшеств людей, молодых и не очень, которые восторженно аплодировали Чену на его публичных лекциях, не поддавались отчаянию и, отказавшись плыть по течению, создавали торжествующий эгрегор. Почувствовав пропасть или даже целый мир, разделяющий их, он решил передать девушке положительный заряд, прежде чем лифт начнет свое движение вверх.

– Вы так красивы, – произнес Чен со своим странным акцентом.

Девушка бросила на него недоверчивый взгляд и более категорично повторила:

– Какой этаж?

– Двенадцатый, – ответил Чен и вновь попытался сделать комплимент.

– Да, красивы... красивы... – ему хотелось поднять настроение девушке.

Та быстро нажала на кнопку.

– Не надо обманывать, я в этом не нуждаюсь, – проговорила она как бы про себя.

Лифт плыл вверх. Чен закрыл глаза, всем своим существом отдавшись этому движению, легкому, едва покачивающемуся, казалось у него выросли крылья, а это омертвевшее существо бабочкой сидело у него на плече. Она хранила молчание. Не издала ни звука. И Чен судорожно искал слова, которые следовало сказать ей.

И когда лифт остановился, Чен произнес:

– Я не люблю лгать, – он сказал это по возможности убедительно и собрался выходить.

И тут девушка, как бы извиняясь, робко выдавила:

– Спасибо... Но я ведь... рыжая... – с ней явно что-то произошло.

Двенадцати этажей оказалось достаточно, чтобы сломить ее упрямство.

Чен задержал шаг, внимательно посмотрел на нее, словно проверяя, как сдувается пыль с ее женственности. Это можно было посчитать маленькой победой в пользу добра. Он снова начал подбирать слова, которые сейчас были особенно необходимы. Наконец это ему удалось.

– Красота условна. Красота во всем, – и кивнул ей в знак прощания.

Весь вечер он пребывал в превосходном расположении духа. Вспоминал то замечательное время, когда сутками вынашивал один из своего двадцати одного принципа успеха – подобное следует учить подобным.

В подтверждение этого тезиса он выбрал историю пеликанов. Он считал ее настоящей находкой, блестящей жемчужиной, украшением своей лекции.

Действительно, история пеликанов, обитающих в американском озере Манас, никого не оставляла равнодушным. Пеликаны, питающиеся рыбой, были достопримечательностью озера, пользовались всеобщей любовью среди местного населения вплоть до того, что рыбаки специально для них ловили рыбу. Пеликаны с удовольствием угощались кормом, который им подавали, так сказать, на блюдечке. Постепенно они привыкли к легкой жизни и уже не пытались добывать пищу самостоятельно. Короче, они разучились ловить рыбу. Изменили собственной природе, своим рефлексам. Между тем правительство наложило запрет на ловлю рыбы для пеликанов. И что же последовало за этим? Прекрасные обитатели озера начали вымирать от голода. Возникла проблема. Стали думать-гадать, как спасти пеликанов. И выход нашелся. Из другого калифорнийского озера в Манасское было переселено ни больше, ни меньше двести пеликанов. Переселенцы научили местных ловить рыбу. Голод прекратился, и проблема была решена.

Сколько книг прочитал Чен, прежде чем до конца осмыслить тезис: ты на верной дороге до тех пор, пока можешь сказать – давай начнем все сначала. Это значит, он взрастил в себе силу для осуществления не доступной для других сокровенной мечты.

А до того он проштудировал труды Наполеона Хилла, Девида Дейла, Ога Мандино, Эндрю и Дейла Карнеги, Энтони Робинса, Джима Рона, Джона Календжа, Джона Файла, Роберта Стоуна, Уэйна Дайера, Блайна Трейси, Роберта Киносаса и многих других корифеев философии успеха, знакомство с трудами которых не помешало бы любому, кто имеет претензию называться мыслящим человеком. Он окунулся в океан шедевров, посвященных мотивации и психологии. Часто смотрелся в зеркало и того, кто отражался в нем, подбадривал, поднимал ему настроение, поощрял, разжигал его веру, которую путем самовнушения извлекал из подсознания.

Чен был успешным человеком. Давно осталось позади время, когда он честным трудом заработал свой первый миллион. Он уже не мог сосчитать основанные им организации по многоступенчатому маркетингу, разбросанные по всему миру и приносящие ему немалый доход – результат сложения чужой продукции и его менталитета. Товар плюс благоденствие – вот, на что следовало ориентироваться.

Товаров, поступающих в Южный Кавказ, было достаточно, но до благоденствия еще далеко, думал Чен. Катаклизмы, случившиеся здесь на рубеже веков, выбили почву из-под ног у людей.

На следующий день Чен, утомленный устроенной ему грандиозной встречей, возвратился в гостиницу. У лифта выстроилась внушительная очередь – такой он еще не видел здесь ни разу. Девушку-лифтершу он заметил, когда двери лифта уже закрывались. Она изменила прическу – спустила собранные на затылке волосы. На ней был малиновый жакет, так не подходивший к унылой осенней погоде. Но все же ему стало приятно, он посчитал эту перемену добрым знаком и, растроганный, встал за парой, беседующей на немецком. Пара, не прерывая разговора, повернулась к нему, внимательно оглядела его настырными почти бесцветными глазами. На китайцев повсюду смотрят так. Чен уже привык к этому. Он нередко становился объектом мгновенного внимания,

когда его бесцеремонно разглядывали с ног до головы.

Он вспомнил, как однажды в Южной Америке с ним заговорил шофер такси. На своем ломанном английском он сначала обратился к нему как к ровне. Чен блестяще владел английским и был замечательным собеседником, так что ему нетрудно было обаять шофера до такой степени, что тот, поняв, что зашел слишком далеко в своей бесцеремонности, рассыпался перед ним в комплиментах.

– Я, друг мой, обыкновенный человек, – прервал его тогда Чен.

– Нет, нет, – возразил таксист, по достоинству оценив его скромность, – я вижу, вы уважаемая личность.

И Чен понял, что нашел нужного ему человека. Он помог этому шоферу, случайному встречному, создать впоследствии в Чили солидную организацию, стать лидером многоступенчатого маркетинга, тем самым вдохновив самого себя на новые успехи.

Немецкая пара отвернулась. Она уже не разговаривала и не разглядывала Чена своими белесыми глазами. Ее внимание привлек интерьер входа, стены которого украшали замысловатые фигуры – образец художеств какого-то местного мазилы.

Лифт вернулся. Из него вышли два пожилых господина. Показалась и девушка-лифтерша.

– Какой этаж?

Немец понял вопрос, поднял правую руку и растопырил пальцы: пятый. Пока ехали до пятого этажа, Чен стоял опустив голову. Когда немцы вышли, он выпрямился и сказал:

– Двенадцатый.

– Я знаю, – ответила девушка и улыбнулась.

Именно эту улыбку жаждал увидеть Чен. Результат оказался блестящим. Он выманил, выманил ее из брони холодной и суровой неприступности. И возможно вернуться в нее ей уже не захочется. Он смотрел на нее как врач на выздоравливающего больного. Ему нравился малиновый цвет, он внушал ему тихий оптимизм, настаивал на поэтический лад. Да и девушка, как он заметил, находилась в сравнительно приподнятом настроении. Он удовлетворительно кивнул ей головой, вышел на двенадцатом этаже и тут же забыл про нее, переполненный множеством впечатлений сегодняшнего дня. Он остался доволен встречей – желающих приобрести аудиозаписи его лекций оказалось очень много. Это естественно, размышлял он, у них огромное перед ним преимущество. Можно лечь в ванну, включить пленку и, предаваясь неге, слушать лекцию. А уснешь – не беда! Вернись Чен Джан! Нажмешь на кнопку, и все начнешь сначала. Они же платят за это удовольствие. Сейчас главное, чтобы они осмыслили услышанное и использовали его в практической деятельности, чтобы достичь больших успехов. А их успехи – это триумф Чена.

Чен рано вышел из номера. На рассвете следующего дня он покидал это благословенное место. Дверь его номера находилась в углу срезанного флигеля, рядом с лестницей. Он любил спускаться пешком – своего рода тренировка. Закрыв двери, направился к лестнице. Неожиданно сзади, со стороны коридора, на который выходил лифт, раздался знакомый голос.

– Господин! Господин, пожалуйста! – голос переходил в крик.

Он повернулся и увидел девушку, которая назвала себя рыжей. Она остановила лифт на его этаже и, стоя в открытых дверях, улыбалась и махала ему рукой.

Чен не ожидал этого, даже несколько растерялся.

Сделав отрицательный жест, кивнул головой в знак благодарности и стал быстро спускаться по лестнице.

Девушка выскочила из лифта и бросилась за Ченом.

– Почему?! – кричала она. – Почему вы так поступаете?! Поедемте на лифте!

Чен смешался, замер на месте. Оглянулся на свою преследовательницу, которая сломя голову неслась вниз по ступенькам, догоняя его. Она все не унималась, исступленно выкрикивая одно и то же:

– Почему?! Почему?! Скажите! Скажите! А лифт для чего?! Это несправедливо! Вы не имеете право! Не имеете! – и еще что-то, оставшееся непонятым для Чена, но определенно выражающее протест.

На шум на лестничные клетки высыпали любопытствующие гости отеля. Чен вконец растерялся. Замер на месте с каменным лицом, подождал, пока девушка, наконец опомнится. И она остановилась, такая беспомощная, такая жалкая, что у китайца сжалось сердце. Они так и стояли какое-то время. Смотрели друг на друга. Потом Чен повернулся и не спеша продолжил путь.

Вечером, когда Чен вернулся в гостиницу, вместо рыжей лифт обслуживала пожилая пышная женщина. Она была предельно почтительна. А когда он вошел в номер, в дверь осторожно постучали. Это оказался администратор, с трудом объяснивший ему на ломаном английском, что хозяин гостиницы просит встречи с ним: мы знаем - вы отбываете на рассвете и времени у вас нет, но не могли бы вы уделить нам несколько минут.

Чен, не задумываясь, согласился. Администратор проводил его до апартаментов владельца и вежливо распрощался с ним.

Хозяин гостиницы оказался убежденным сединами, элегантно одетым с прекрасными манерами человеком. Он попросил гостя сесть.

– Хочу извиниться перед вами, – начал он на превосходном английском, – подобного в нашей гостинице не случалось, даже не знаю, чем это объяснить. Эта лифтерша казалась такой тихой, такой незаметной, можно было подумать, она и мухи не обидит. Я искренне сожалею о принесенном вам неудобстве. Не обижайтесь на нас, прошу вас. Мы ждем вас и в будущем, постараемся создать для вас еще больший комфорт. А рыжая получила свое.

Чен почувствовал волнение.

– Рыжая... рыжая... – проговорил он.

– Да, так мы звали лифтершу.

– Лулу? – вдруг спросил Чен.

– Вы знаете ее имя? – изумился хозяин гостиницы.

– Похоже, она хорошая девушка, – у китайца порозовели щеки, – я наблюдал за ней. Она с каждым днем менялась внутренне к лучшему. Хочу вам кое-что сказать. Позвольте обратиться к вам с просьбой, если это возможно... Я думаю, Лулу заслуживает лучшей участи. Дайте мне слово, что вы найдете подходящую для нее работу. Дайте слово, – чувствовалось, китаец говорил от всего сердца.

От неожиданности владелец гостиницы утратил дар речи. Но Чен упрямо ждал ответа, и он был вынужден с некоторым опозданием, но все же произнести эту важную, прозвучавшую, как клятва, фразу: даю слово.

Лали БРЕГВАДЗЕ-КАХИАНИ
Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

ЗАПОВЕДНИК ИСТОРИИ

Дом Нечволодовых в Дедоплисцкаро

Тема духовных, культурных взаимоотношений Грузии и России когда-то была поистине благодарной и благодатной для любого пишущего, да и просто размышляющего человека. Порой кажется, что ныне она становится, к нашему отчаянию, предметом интереса бесстрашных и старомодных одиночек... «Арба перевернулась», - удрученно перефразируют классика грузинской литературы пессимисты. Оптимисты пытаются бодриться, но настоящее мало радует, будущее внушает закономерные опасения, и потому они предпочитают вглядываться в удивительное, неповторимое, яркое прошлое, искренне надеясь, что «связь времен» не распалась, и прекрасное прошлое надавит-таки на чашу весов истории, не даст им перекосяться и вынудит если и не обрести равновесие, то хотя бы балансировать на грани, отделяющей здравый смысл от глупости, благодарности от беспамятства, дружелюбие от подозрительности...

Когда мы, сотрудники «Русского клуба», по предложению друзей отправились в Кахетию, в Дедоплисцкаро – центр самого восточного района Грузии, нами владели

смешанные чувства. Честно признаться, мы не предполагали, что будем чем-то поражены, и просто от души настроились на небольшое путешествие в один из самых замечательных районов нашей страны. Забегая вперед, замечу, что мы ошиблись. Поразиться пришлось. Да еще как... И хотя, как давно замечено, счастье – это не станция назначения, а способ путешествовать, в нашем счастливом путешествии самым важным оказалось именно место встречи, станция назначения – Дедоплисцкаро.

Та Кахетия, куда обычно заезжают туристы, прославлена и живописна. Она расположена в верховьях притоков Куры – Иори и Алазани. Красота Алазанской долины легендарна. «Конечно, после Тифлиса и Сангорского поля, такой цветущий уголок покажется раем в летнюю пору; но стоит лишь взобраться на вершины заиорских холмов, чтобы впечатление это совершенно изгладилось. Путник там увидит что-то чересчур поразительное, и если он будет тут впервые, то долго простоят, как вкопанный, пока не даст себе отчета в том, что ви-

дит; понять же сразу ему невозможно. Чудная Алазанская долина особенно грандиозна и захватывает дух размерами своих очертаний», - пишет в своих воспоминаниях К.А.Бороздин, в 1840-1850-х годах чиновник для поручений при губернаторе, а затем – окружной начальник в Мингрелии.

Туристу обязательно расскажут, что в Кахетии производят около 70 видов вина, и он с удовольствием выслушает названия кахетинских сел, которые пьянят еще до того, как пригубишь заветного напитка – Цинандали, Напареули, Киндзмараули, Гурджаани, Мукузани, Кварели, Саперави, Ахашени, Телиани, Тобаани... Путешественник заедет в Сигнахи и в Бодбе, где расположен монастырь, похоронена просветительница Грузии святая Нино и бьет чудотворный родник, осмотрит собор святого Георгия в Алаверди, крепость Греми, Телавскую крепость, монастырские комплексы Шуамта, развалины Икалтойской академии, в которой учился Шота Руставели, храм Квелацминда (Всех Святых) в Гурджаани, дом-музей и уникальные винные подвалы князей Чавчавадзе в Цинандали...

А мы, оставляя за спиной Алазанскую долину, двигались к Иорскому плоскогорью, где расположен город Дедоплисцкаро (до революции – Царские Колодцы, после 1917 и до 1991 года – Цители-Цкаро, Красные Колодцы, затем городу возвратили исконное название).

Это название – дословно «царицын источник» - связано с именем царицы Тамар. По преданию, ее слуги именно в этих местах обнаружили изумительную питьевую воду. Кстати, местные жители и по сей день используют именно эту воду.

Историко-краеведческие сведения об этом крае сохранились в трудах исследователей и путешественников, начиная с XIX века. Первым из них был выдающийся немецкий ученый-ориенталист Генрих-Юлиус Клапрот, опубликовавший в 1812 году в Германии книгу о своем путешествии по Кавказу, Грузии и, в частности, Кахетии. Есть сведения о пребывании здесь известного испанского военного деятеля Хуана Ван Галена, который, будучи изгнан из Испании королем Фердинандом VII, был принят на службу к генералу А.П.Ермолову майором в Нижегородский драгунский полк и пробыл на Кавказе 18 месяцев. Он оставил подробные записки, в которых имеются исторические и этнографические подробности, сведения об образе жизни кахетинцев и русских поселенцев. Крупный немецкий натуралист-энтомолог Вильгельм Иегер, гостивший в Царских Колодцах у командира артиллерийской бригады графа Зенича, впоследствии опубликовал в Лейпциге книгу с описанием пережитого в Кахетии. В 1826 году немецкий ученый-энциклопедист Эдуард Эйхвальд исследовал воду Караагачского и

Мирзаанского озер, обнаружил целебную силу местных грязей и указал месторождения нефти. В 1836 году по Кахетии путешествовал ботаник-дендролог, профессор Иенского университета Карл Генрих Кох. Царские Колодцы вдохновили на научные и художественные труды многих русских общественных деятелей – декабрист А.Якубович стал автором книги «Русское право на Кавказе», историк О.Корнилович в многочисленных письмах оставил интересные исторические подробности об этом крае, блестящий инженер-топограф Д.Искрицкий составил точные карты кахетинской местности, художники С.Васильковский и Г.Гагарин написали замечательные картины, донесшие до потомков внешний вид ныне разрушенных исторических памятников и портреты известных людей того времени, А.Бестужев-Марлинский воспел в своих стихотворениях красоты местной природы...

На протяжении веков Кахетия первой принимала на себя вражеские удары – ведь нападали, как правило, с востока. Она была ослаблена, разрушена. В 1803 году в Дедоплисцкаро располагались два батальона кабардино-балкарского мушкетерского полка, но в начале XIX века (после трактата 1783 года и присоединения Грузии к России в 1801 году) эти места начали возрождаться, поскольку именно здесь стал на длительный постой Нижегородский драгунский полк. 9 апреля 1809 года полк

У Ильинской горы

был назначен в число войск, занимавших Грузию, прибыл в Тифлис, затем принял участие в военных действиях против персов и лезгин и нескольких военных походах на территории Грузии, а в 1813 году расположился в Кахетии. Дедоплискарго (именно как населенный пункт) был основан драгунами, получив название Царские Колодцы – как видим, название было сохранено в точности, лишь переведено на русский язык. Первые поселения в Царских Колодцах возникали вокруг источников с замечательной питьевой водой. Ими стали Мазовка, Поселение, Царский колодец, Драгунский колодец, Юрицинский полк, Драгунский полк, Слободка и Источник Тамары.

Церковь Серафима Саровского

Штаб-квартира полка располагалась в большом и благоустроенном селении Карагач, откуда, согласно полковым традициям, драгуны ездили в гости к грузинским князьям на празднества, домашние спектакли, пикники и охоту с борзыми.

Нижегородский драгунский полк, сформированный в 1701 году, просуществовал более 200 лет. Служить в нем было большой честью, ведь полк выполнял самые ответственные задания на территории империи, и не существовало такой воинской награды, которой не был бы удостоен офицер этого полка. Полк стал местом службы разжалованных и сосланных в «Южную Сибирь» декабристов – в нем служило около тридцати участников восстания на Сенатской площади.

До 1846 года полк находился в Кахетии и охранял Лезгинскую кордонную линию у самого подножья Кавказских гор по рекам Иори и Алазани. С 21 января 1821 года по 10 июня 1822 года командиром полка был полковник Александр Чавчавадзе.

Десятилетия постоя Нижегородского и ряда других полков в этих краях стали десятилетиями расцвета Царских Колодцев, и драгуны были не только героическими защитниками Кахетии и ее жителей, но и их друзьями, например, помогали местному населению в периоды сбора винограда – ртвели. Но рассказ будет не полон, если мы не упомянем, что отношения не всегда складывались гладко – случалось, что здешние русские, которые говорили только по-русски, попрекали местных жителей, что те разговаривали по-грузински и считали Грузию государством. «Зачем тебе твое государство? Что, русского не хватает?» - бывало, слышались и такие слова... В интересной книге Петра Вайля «Карта родины» можно прочесть: «В кавказских заметках Дюма много интересных и точных наблюдений, много и отчаянной чепухи... Но что-то очень важное он, не будучи глубоким аналитиком, а просто заинтересованным наблюда-

телем, понял и в российской политической философии: очень уж это бросалось и бросается в глаза... «Россия является неуправляемой стихией... В ее современных завоеваниях есть отголоски варварства скифов, гуннов и татар. Нельзя понять - тем более при современном уровне цивилизации и культуры - эту одновременную и равную потребность в захвате чужого и беспечность в сохранении и улучшении собственного...» Ничто лучше не иллюстрирует мысль о желании чужого и пренебрежении своим, чем то, что происходит на Кавказе. Осетино-ингушский конфликт, чеченские войны, российско-грузинские отношения... Границы здесь не столько государственные и административные, сколько установленные злобой, нетерпимостью, мстительностью, тупостью, алчностью. Границы смертельно непроходимы и в то же время цинично проницаемы. Дюма пишет о «современных завоеваниях», и эта «современность» перемещается из века в век, времени не подвластная».

Об этом и многом другом сотрудники «Русского клуба» говорили с замечательными дедоплискаргойцами, которые встретили нас и стали нашими проводниками – депутатом местного Сакребуло Гелой Тетраули и главным специалистом культурной службы муниципалитета района, кавалером Ордена Чести Нелли Гобеджишвили – она более тридцати лет занимается вопросами культуры в родном районе. В ее рассказе звучали имена Пушкина, Лермонтова, Чавчавадзе, Одоевского, Якубовича, Бестужева, Бестужева-Марлинского, Мусина-Пушкина, и великая история словно бы аукалась, перекликалась с нами. А когда мы переступили порог дома, который принадлежал офицеру Нижегородского драгунского полка Григорию Ивановичу Нечволодову и выслушали рассказ о нем, частично вспоминая то, что знали сами, нам показалось – история оживает перед нами, и легкое дыхание светлого прошлого обдувает наши лица...

Дом Нечволодовых, построенный в 1823 году, остался стоять на своем месте и был сохранен в не-

прикосновенности усилиями наших дорогих хозяев – Н.Гобеджишвили и Г.Тетраули. Для защиты и укрепления дома были построены балюстрада, подпорки для стен, но сам дом уцелел полностью. Это именно те стены, в которых звучали великие голоса, это именно те предметы, которых они касались или которые видели. Во дворе стоят двухсотлетние деревья и колодец тех, давно минувших лет... В этом доме жил брат А.С.Пушкина Лев Сергеевич (предполагается, что, находясь в Грузии в 1829 году, поэт заезжал в Царские Колодцы проведать брата), в гостиной дома танцевал мазурку Лермонтов, частыми гостями были декабристы, приезжавшие к Нечволодовым из Караагача...

Григорий Нечволодов служил у Суворова, переходил с ним через Альпы и Чертов мост. Окончил войну поручиком с брильянтовыми знаками святой Анны 2-й степени на шее – награда в этом чине в возрасте исключительная. После участия в дуэли со смертельным исходом (чуть ли не с родным братом), Нечволодова лишили и чинов, и орденов, сослали на север, в Колу, из которого он бежал в Англию, где от бедности нанялся волонтером в английские войска, готовившиеся к отплытию в Индию. По просьбе посланника графа С.Воронцова император Александр помиловал Нечволодова, но орден надо было заслужить вновь. Вскоре он вернул себе

суворовские награды и получил новые и чин капитана. По страстной любви он женится на польской графине Тышкевич. Поскольку надменная родня была против брака с небогатым русским, Нечволодов с помощью друзей увез графиню из родового замка и обвенчался с ней в небольшой деревенской церквушке... Однажды за карточным столом майор Нечволодов (а игрок он был страстный) проиграл 17 тысяч казенных денег. Его опять разжаловали в рядовые и направили на Кавказ, в Нижегородский полк. Нечволодов служит блестяще, и сам генерал Алексей Петрович Ермолов просит о его полном прощении. Однако Нечволодова произвели только в прапорщики. Тогда Ермолов прикомандировал Григория Ивановича к казакам, у которых было свое чиновничество, и через четыре года Нечволодов вернул себе чин майора и все награды. Детей у Нечволодовых не было, и они удочеряют сироту-черкешенку. По пути из станицы Белореченской в Дедоплисцкаро, куда надлежало вернуться Григорию Ивановичу, во Владикавказе внезапно умирает графиня Тышкевич. Нечволодов растит девочку один. Катенька становится всеобщей любимицей, «дочерью полка», и получает воспитание от блестяще образованных офицеров Нижегородского полка – Льва Пушкина, Бестужева, Искрицкого. В 1830 году взрослая Екатерина выходит замуж за Григория Ивановича. Именно благодаря Катеньке дом Нечволодовых и вошел в историю. Он стал литературным и музыкальным салоном, да и просто местом для дружеских встреч, где всегда было уютно, радостно и интересно. Катенькой были увлечены Г.Орбелиани, князя Чавчавадзе (в полку служили семеро из рода Чавчавадзе). Офицер Михаил Розенгейм (впоследствии – генерал-майор, известный поэт и публицист) писал: «Да, помню я ваш дом, радушьем знаменитый, Приют гонимых всех суровою судьбой, Для всех изгнанников приветливо открытый, С его прекрасною хозяйкой молодой!»

Пребывание здесь Лермонтова – подтвержденный факт. Одним из доказательств этого «Лермонтовская энциклопедия», например, считает картину Лермонтова «Развалины близ села Караагач в Кахетии», на которой изображен замок царицы Тамары, находящийся на полпути между Дедоплисцкаро и Караагачем. По предположению исследователей, Екатерина Григорьевна – один из прототипов Бэлы в «Герое нашего времени» и Тамары в «Демоне». Есть свидетели, которые видели книгу стихов Лермонтова с надписью «Екатерине Нечволодовой на память от Михаила Лермонтова», и это значит, что поэт и Екатерина Григорьевна встречались и позднее, поскольку «Стихотворения» Лермонтова были изданы в октябре 1840 года. Екатерина Григорьевна родила двух дочерей и сына и надолго пережила супруга. После трагической гибели Лермонтова каждый год в день его рождения Екатерина Нечволодова с детьми приезжала в Караагач, к памятнику поэту. Его установил на свои средства князь А.Г.Чавчавадзе, который служил в Нижегородском полку, хорошо знал и любил Лермонтова и хотел увековечить его память на кахетинской земле. То, что это не легенда и памятник Лермонтову в Караагаче действительно был установлен, свидетельствовал, как указывает «Лермонтовская энциклопедия», Важа Пшавела. (Кстати, Лермонтова и А.Чавчавадзе связывало давнее знакомство. Оно состоялось еще в Петербурге, в 1836 году через П.Н. Ахвердову. Рисунки поэта на черновиках поэмы «Сашка» изображают военного, чей красивый профиль удивительно напоминает портрет князя Чавчавадзе. Причем Лермонтов, видимо,

Н.Гобеджишвили (в центре) в церкви Серафима Саровского

встречался с ним в домашней обстановке – на одном из рисунков густой штриховкой показана отросшая щетина).

Дом Нечволодовых по-прежнему был открыт для офицеров полка и, отправляясь в поход, проходя мимо дома, военный оркестр всегда играл марш полка. Впоследствии это стало традицией и для других полков, стоявших в Царских Колодцах.

В 1887 году Екатерины Нечволодовой не стало. Офицеры провожали ее в последний путь маршем Нижегородского драгунского полка... На надгробной плите одной из могил на кладбище Дедоплисцкаро можно прочесть: «Екатерина Нечволодова, родилась в 1815, скончалась в 1887». Историк-кавказовед В.А.Потто писал о Екатерине Григорьевне: «Это был живой памятник той исторической эпохи, которая пронеслась у нее перед глазами, это живой архив, откуда историк мог бы почерпнуть драгоценнейшие сведения о многих событиях и лицах...»

Такова история этого небольшого дома в Дедоплисцкаро, в котором в советское время располагались то столовая, то детский сад, то ветеринарная клиника. Но в наши дни он отвоеван и сохранен лишь потому, что является реальным, зримым свидетелем и носителем удивительных страниц истории Грузии и России. Закономерно, что сегодня он получил название Музея дружбы народов, в котором хранятся экспонаты (документы, фотографии, некоторые предметы быта), связанные с 19 веком, а также с периодами гражданской войны, коллективизации, Великой Отечественной войны, советских лет.

Продолжив наше путешествие по Дедоплисцкаро и окрестностям, мы вскоре поняли, что следуем по маршруту Дюма, описанному им в «Кавказе»: Хорнабуджи – Ильинская Гора Ильи – Орлиное ущелье. «Мы выехали (со станции Барабатлинской – Н.З.) чрезвычайно рано и хотели во что бы то ни стало добраться к вечеру до Царских Колодцев, - читаем в книге «Кавказ». - В моем альбоме было написано несколько слов рукой генерала Дондукова-Корсакова командиру Переяславского полка графу Толю. (Князь Дондуков-Корсаков командовал Нижегородским драгунским полком с 10 июня 1855 года по 25 октября 1858 года, когда из-за конфликта с генерал-адъютантом Н.И.Евдокимовым, незаслуженно оскорбившим одного из офицеров полка, испросил для себя увольнение от должности. – Н.З.) Большую часть дня мы катились по Усадыйским степям, захватив даже уголок Кахетии, и наконец, в седьмом часу вечера достигли Царских Колодцев. Этот город недавно построен и походит скорее на военный лагерь... На повороте одной из гор замок неожиданно предстал перед нашими взорами. Он величественно возвышался на уединенном пике, господствующем над Алазанской долиной, имея горизонтом ту великолепную цепь Кавказских гор, вдоль которой мы ехали накануне. Мы находились выше его подножья, но вершина его возвышалась над нами. Невольно приходила мысль, что сквозь его проломы прошли не только эпохи, но и революция... В шести километрах от замка царицы Тамар возвышается другая гора, не менее оригинальная. Проезжая мимо горы перед закатом, мы заметили ее по прекрасной форме и великолепному освещению. Она называется «Ильинской горой». Часовня, часто посещаемая жителями, построена в небольшом гроте, вырытом в центре горы. Предание гласит, что в этом гроте Ильи получал пищу, приносимую ему вороном, и что с вершин этой горы он вознесся на

Во дворе гостеприимного дома Мчедlishvili

небо, оставив мантию своему ученику...»

Замок, о котором рассказывает великий француз – крепость Хорнабуджи, построенная две с половиной тысячи лет тому назад. Во второй половине 5 века – это город, который упоминается в «Картлис цховреба» («Житие Грузии»). По мнению некоторых ученых он был развитым городом уже в 3 веке. В 12 веке крепость перестраивалась и укреплялась царицей Тамар и получила новое название – Тамар-Мепе. Разрушена монголами в 13 веке, позже восстановлена. В 1619 году захвачена шахом Аббасом I, чей летописец отмечал, что если бы крепость имела какой-нибудь другой источник воды, кроме дождей, захватить ее было бы невозможно. В 18 веке крепость была восстановлена Ираклием II. Сегодня это уникальный и один из древнейших исторических памятников Грузии.

Ильинская Гора, описанная Дюма, привлекает к себе внимание своей оригинальностью и красотой – у нее две вершины, Никорацixe и Ильи, а сохранившийся большой крест, который видно издали, воздвигнут на горе еще драгунами в конце 19 века. Но самое главное – это действительно священное, намоленное место, за многие века словно впитавшее в себя молитвы и мольбы, прославления и благодарности столь многих христиан, что, приближаясь к нему, попадаешь в сильное энер-

гетическое поле и, кажется, сам чувствуешь собственное преобразование. Когда именно был возведен храм на Ильинской горе, неизвестно. Предположительно – в промежутке от 6 до 9 века. Он встроен в саму гору, расположен высоко и добраться до него можно лишь пешком, одолев непростой подъем. Туда не подъедет мало верующий на собственном автомобиле, туда доберется лишь истинный христианин, ведомый верой, надеждой и любовью. В 30-х годах прошлого века большевики взорвали храм – уникальную наскальную базилику. Предполагалось, что здесь будет построен карьер по добыче известняка. Гору не дали взорвать местные жители, взявшие ее в оцепление. Правда, говорят, что во время взрыва кусок скалы попал в отдавшего варварский приказ, и взрывать снова никто не решился. Несколько лет назад по инициативе отца Николоза (Ломсадзе) и с благословения епископа Бодбийского Давида началось возрождение храма святого Ильи Пророка. Он был восстановлен вручную. Каждый кирпич поднимался на высоту 950 метров по живой людской цепи и передавался из рук в руки. Сегодня это первый рукотворный храм 21 века. Каждый год 2 августа, день святого Ильи – это всеобщий и особенный праздник для жителей Дедоплискарго. С самого раннего утра люди – местные жители и многочисленные паломники – отправляются к горе. Праздничный день проходит в молитвах и песнопениях, и к вечеру все основание Ильинской горы облеплено свечами...

В Дедоплискарго находится единственная на территории Грузии церковь Серафима Саровского, построенная в 19 веке на пожертвования графа Сеченова. Она расположена на территории села Джапаридзе, которое русские переселенцы называли Сеченовкой. После прихода большевиков ее закрыли и использовали для разных хозяйственных нужд. При невыясненных обстоятельствах сгорел деревянный купол церкви. Жители Дедоплискарго – люди беспокойные. Им удалось добиться помощи от неравнодушного к проблемам

Готовимся к приему гостей

культуры мецената, и церковь начали восстанавливать. Заметим, что каждый камень, используемый для возрождения церкви, обрабатывается вручную. А с ее стен глядят на благое дело подлинные фрески, написанные в 19 веке, которые проступили в процессе реставрации из-под намалеванных в эпоху СССР синего

неба и каких-то желтых звезд...

Мы вспоминали как вообще силен в Кахетии культурный дух, касается ли это памятников архитектуры (целый ряд уникальных храмов, внесенных в список Всемирного наследия ЮНЕСКО), памятников истории края, искусства, литературы (к примеру, Краеведческий музей Дедоплискарго, Дом-музей Нико Пиросмани в Мирзаани, усадьба Чавчавадзе в Цинандали) или памятников природы (Национальный парк Вашловани и Орлиное ущелье, в частности). В самом Дедоплискаргойском районе насчитывается около 30 ценных исторических памятников, к которым, при скромной государственной помощи, относятся бережно и бережливо.

Пожалуй, наше небольшое путешествие может стать в некоторой степени уроком – не столько истории, сколько патриотизма и подвижничества, энтузиазма и бескорыстия. Но справедливо ли во всем полагаться только на бессеребрянников – тружеников культуры? Конечно, нет.

В Дедоплискарго мы убедились, что поток времени и в самом деле непрерывен, и прошлое плавно перетекает в настоящее, словно становясь этим самым настоящим. Но сила духовности находит свое воплощение не только в страницах прошлого, но и в реальных делах дня сегодняшнего – делах плодотворных, с прицелом на будущее. Например, стоя у подножия Ильинской горы, мы рассматривали свежие посадки деревьев – длинные ряды саженцев хвойных. Оказалось, благородным делом занимается наш добрый друг, который и предложил нам приехать в Дедоплискарго, – Георгий Колбин, заместитель руководителя проекта «Реабилитация деградированных ландшафтов Грузии». Несмотря на несколько устрашающее название, проект, осуществляемый немецким Обществом технического сотрудничества GTZ, рационален и эстетичен – создание ветрозащитных полос и лесных массивов. В Дедоплискарго уже высажено 34 гектара подобных

полос. Мы смотрим на саженцы, наши дети будут любоваться лесами...

Мы возвращались в Тбилиси с редким и счастливым чувством – предвкушением светлых воспоминаний. Невольно вспоминались слова из упомянутой книги П.Вайля: «Я уезжал через Гомборский перевал. Высота подбиралась к двум тысячам. Свежело. Качался желто-красный сентябрьский лес – клен, бук, шиповник. Кто это сказал, не помню: «Вся Грузия — песня: мотив благороден, слова

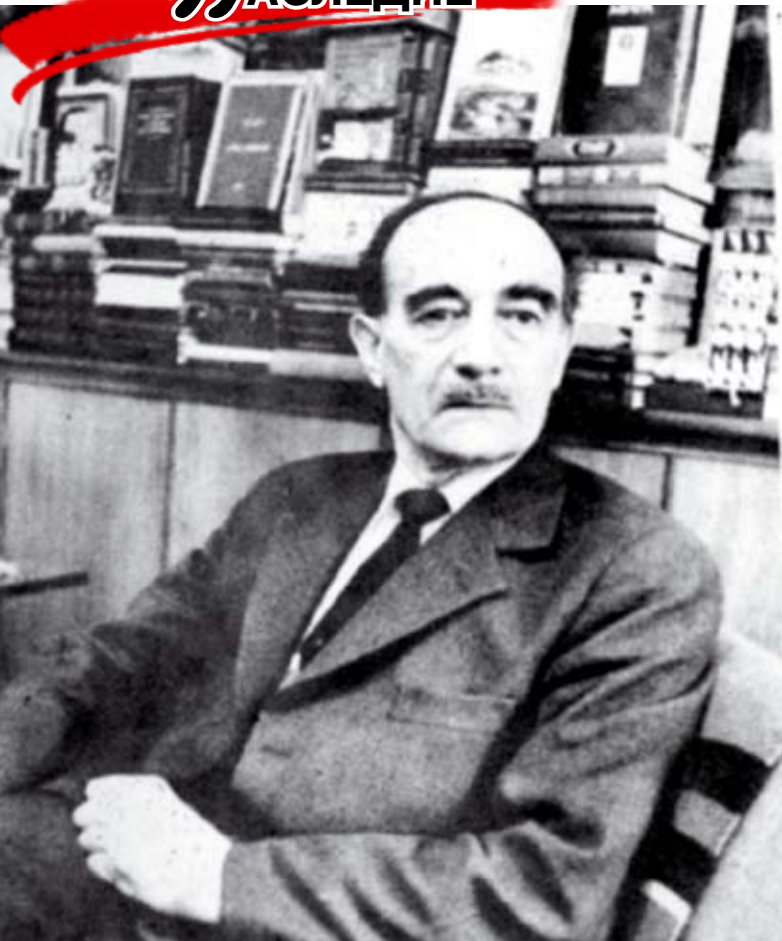

Семья Мчедлишвили

строги и очень грустны...»

Для нас было очевидно, что этот день, проведенный в Дедоплискарго, не забудется. Не иссякает источник, не кончается любовь, жизнь продолжается.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Фото *Александра СВАТИКОВА*

Константин Сергеевич Герасимов

СИЛУЭТ

*О жизнь! Благодарю за берега.
Где не ступала смертного нога.*

К.С.Герасимов.

Сонет №130 из книги «Ars moriendi»

Вот он сидит на фоне книжной горки – нет, книжной Горы – в доме, расположенном на одной из кривых верийских улочек, – такой доступный для общения, что самые близкие из учеников отваживаются обратиться к нему на «ты» (о ужас! амикошонства он не терпел) и такой неприступный для всех и каждого в отдельности, ибо – и об этом самые проникательные догадываются – его взгляд устремляется из мира мнимостей куда-то мимо вас в мир сущностей, куда каждая книга подобно эдгаровскому Ворону отбрасывает свою сокровенную тень. Всякий, кто приближался к подножию этой Горы (преодолев Джавахишвилевский подъем!), испытывал смущение, глядя на ее вершину, ибо даже мысленное восхождение на нее вызывало ощущения, близкие к головокружению. Всякий – но не сам хозяин, который с раннего детства «старинных книг» вдыхал «неуловимо горький аромат», «сафьян лаская переплетов редких». Воздвигать Гору начал еще его дед, работник небольшой тифлисской типографии, отставной военный и страстный библиофил.

Дом Котика (так ласково звали его за глаза ученики) был стар, живописен и тих. Именно в таком доме мог обитать (и обитал на самом деле, ибо что такое всамделишность?) «хранитель рукописей» и враг суеты, последний «собеседник» поэта, его «собрат» и «коллега» – мудрый кот (кот Котика!). Во всем облике Константина Сергеевича сквозил тот самый аристократизм духа, который Эдгар провозгласил уделом избранных. На лекции он приносил вещи, сводившие студентов-семидесятников с ума – это были альдины, эльзевиры и даже новгородские берестяные грамоты. Тот, кто дотрагивался до этих сакральных предметов, заражался болезнью книгоискательства (что хуже кладоискательства), от которой страдало целое поколение и избавиться от которой было труднее, чем от алкоголизма или наркомании. В его голосе, стиле одежды и манере держаться было нечто неискоренимо старомодное и неистребимо снобистское (еще один штрих – он обожал поэзию Киплинга). С провинциалами духа он не общался, профанов не жаловал. Социальное положение человека его не интересовало – в его гостеприимной гостиной можно было встретить и важного сановника, и философствующего бродягу. Известно, что своим вниманием его одаривал сам Святейший Католикос-Патриарх Всея Грузии Илия Второй.

Судьба каждого истинного тбилисца очень тесно связана с судьбой города – уникальная, присущая одному лишь Тбилиси, творческая атмосфера свободного «платоновского» общения и великодушных уступок не могла не оказать своего благотворного влияния и на Константина Сергеевича, воспитанного на традициях русской культуры.

Курс по истории книги едва ли можно было прочесть лучше Герасимова, ибо на ладонях его покоился «ultima ratio» – живая инкунабула (или почти инкунабула). К Валерию Брюсову и вообще к русскому символизму он сохранял пожизненную приязнь, если не сказать, любовь, еще со времен защищенной им под руководством Игоря Поступальского брюсовской диссертации. Его далеко не традиционная филологическая ориентация сказалась в стремлении исследовать научные (и, прежде всего, физико-астрономические) идеи русских поэтов (статья «Из истории научно-философских интересов русских поэтов XVIII века») – правда, здесь он почему-то продемонстрировал грубо-материалистический подход вольтерианского толка. (Герасимов-поэт и Герасимов-ученый могли конфликтовать). Бесспорно одно – именно служение Сонету как Прекрасной Даме составляло главный подвиг этого рыцаря нерыцарской эпохи: «... или приснится / В сонета глубине мне одному / Неведомое стольким лжепровидцам?» («Сонет к интуиции»). Ряд его статей по диалектике канонов сонета (в первую очередь, «Сонет в творческом наследии Валерия Брюсова» и «Диалектика канонов сонета») – едва ли не лучшее, что написано на эту тему. Он был инициатором проведения Первого Международного симпозиума по сонету в Тбилиси и редактором специально подготовленной к симпозиуму книги по сонету (Гармония противоположностей: Аспекты теории и истории сонета / Редакторы: О.А. Баканидзе, Г.Д. Джавахишвили, К.С.Герасимов. Тбилиси, 1985). После К.С.Герасимова говорить о сонете как об одной из твердых стихотворных форм в ряду других как-то неудобно. Он сумел поверить гармонию сонета ему одному ведомой алгеброй, и это не канет в пустоту.

К.С.Герасимов не нажил больших материальных благ и не стяжал громкой славы. Он не был удостоен вы-

сших ученых степеней и званий, хотя профессора почитали за честь снимать перед ним шляпу. Энциклопедии и справочники стыдливо умалчивают о К.С.Герасимове, хотя вместе с ним ушел очень специфический пласт культуры. О том, что он пишет стихи, знали только самые близкие. Как бы подводя итоги жизненному пути, он решил-таки выйти со своим единственным – но каким! – сборником (Константин Герасимов. Из глубины: Избранное (1947–1987). Тбилиси, 1992) к своему читателю, для которого знание латыни есть знак отмеченности. Книги многолетней выдержки, как и коньяки, вызывают невольное уважение. На единственной предваряющей текст фотографии поэт изображен на фоне все той же знаменитой книжной Горы. Взгляд его строг, хотя и лишен обычной метафоричности – она как бы без остатка «одолжена» тексту. Поэзия для Герасимова – это смычка двух крайних полюсов, это «Вавилон» и «Иерусалим», это «кандалный звон» и «всезвездная корона», это «слепящий блеск алмазного венца» и «тьма». Начав свое программное стихотворение скептическим зачином-аллюзией «Поэзия – слова, слова, слова», он завершает его торжественно-патетически «А прочее все – ложь», как бы вторя галактионовскому «Поэзия – прежде всего» (1920). Без преувеличения можно сказать, что вошедшая в сборник стихотворений Герасимова книга из поделенных на семь разделов и 17 циклов 154 сонетов «Ars moriendi» (искусство умирать) – уникальное творение Мастера, не просто дань «любви к несравненным сонетам Шекспира», как он пишет в примечаниях, а мистический роман «пасынка века».

Мой город мертвецов, который раз
Стою я в одиночестве безмолвном
У стен из книг, у книжных башен, словно
Последний луч над ними не угас...

Как будто не руины мой некрополь
В слепой пустыне непроглядной тьмы,
Как будто можем, смеем помнить мы
Немые эпитафии Европы.

Кого же по развалинам твоим,
О Город Книг, к святилищам забытым
Вести, кому на полустертых плитах
Читать о том, что был – и сгинул – Рим?

Один, один в конце земных путей,
Кого я жду в предсмертной темноте?

(Сонет №7 из книги «Ars moriendi»)

В его неповторимом Городе Книг видное место занимали «кварталы» Эдгара По. К творчеству великого американца К.С.Герасимов обращался не раз. Эпиграфом к 100-му сонету из «Ars moriendi» служат строки «Annabel Lee», а заключительное двустишие сонета венчает образ «Королевства на краю земли». Предлагаемое вниманию читателей стихотворение «Nevermore» (1984) не вошло в книгу стихотворений К.С.Герасимова 1992 г. Оно носит слишком личный и провиденциальный характер, чтобы играть в собрании роль элемента некоего множества. (Вообще же концепт «Никогда» – один из главных в творчестве Герасимова). История получения автографа такова. По моей просьбе поэт и переводчик Владимир Саришвили (один из близких учеников Герасимова) передал Константину Сергеевичу первый эдгаровский сборник (Эдгар Аллан По. Эссе. Материалы. Исследова-

ния/Ред.-сост. В.И.Чередниченко, Ю.В.Лучинский. Краснодар, 1995. Вып. 1) с моей дарственной надписью. В письме я приглашал его к сотрудничеству. Не верилось, что дни его сочтены. Он нашел силы написать ответное (по всей видимости, свое последнее) письмо, приложив автограф со стихами. В письме, между прочим, сказано: «Огромное спасибо за чудесную книгу! Поздравляю с ее изданием. Это прекрасный дар всем, любящим Эдгара По! Рад, рад за Вас! <...> Мои дела теперь довольно плохи: тьма, голод, холод, нищета, да еще неважно со здоровьем. Да еще отсутствие свободной минуты – для себя лично, своих дел. Посылаю лишь стихотворение» (письмо от 8 февраля 1996 г.).

Глубоко символическим оказался этот последний дар поэта и ученого.

В солнечном городе, где каждый день – праздник, уверенной рукой выводил Мастер катрены отчаяния и терцеты тоски, не забыв ни одной из «внежизненных обид». И хотя «рожденный на рассвете» сонет Герасимова, по его собственному признанию, «зачат во тьме», без света он обойтись не может. В эти минуты «из глубины» сердца поэта вырывается благодарение:

Но, жизнь моя, спасибо за рассвет,
За то, что долго шел в кипящей пене,
За то, что опустился на колени,
Увидев на песке твой узкий след.
(Сонет № 130 из книги «Ars moriendi»)

Владимир ЧЕРЕДНИЧЕНКО

Константин Герасимов

Nevermore (Эдгару По)

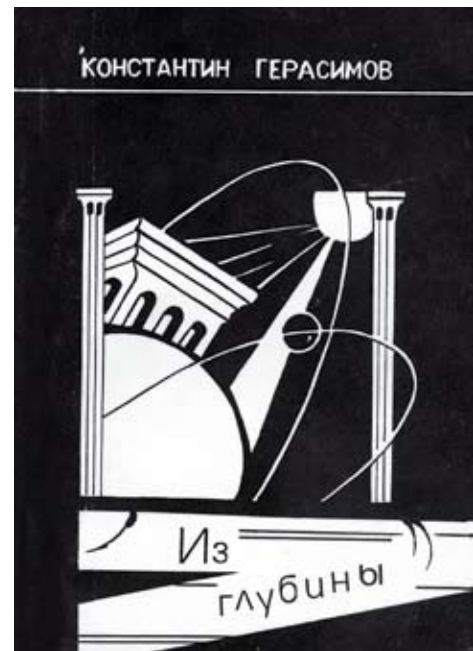
Казавшегося бесконечным детства
Я миновал неведенье едва,
Как предъявило на меня права
Отчаяния давнего наследство.

Земного «рая» глад, и меч, и мор,
И что присниться не могло былому...
Так чьей души обязан я надлому
Донесшимся из мрака «Nevermore»?

Нет. Беспощадней встреч или разлук,
Неведомых уделу моему,
Мольба так и не встретившихся рук,
Из темноты протянутых – во тьму.

А за рефрен – благодарю, все чаще
Перед концом путей во мне звучащий.

Июнь 1984

«БЛАГОСЛОВИ, СОЗДАТЕЛЬ, ВСЕХ ПОЭТОВ И ИХ ВОЗЛЮБЛЕННЫХ»

Дни Грибоедова в Пантеоне (Тбилиси) и Цинандали

«Благослови, создатель, всех поэтов и их возлюбленных. Ниспошли благодать всем влюбленным... Возлюбленная моя Нино, здесь в Тавризе я наконец-то осознал, отчего Данте рифмует Христа только с Христом... Бессмертие ни с чем не сравнимо. Господь принадлежит одному лишь себе и поэтому с собой же и рифмуется. Такова логика Данте.

Сейчас, когда весь в думах о тебе, промелькнула передо мной и тень Шекспира. Помнишь его восемьдесят четвертый сонет? К сказанному остается приба-

вить лишь то, что похжей на тебя могла быть только ты сама. Так что, любимая, правы и Данте, и Шекспир. Хотел было стихи о тебе написать, но не знаю, увы, с кем теперь мог бы тебя сравнить. Ведь ты прекрасней канцон Данте и сонетов Шекспира... Привет тебе, первой красавице века своего. Твоими устами вещает богиня красоты и истины, твоими глазами небеса заглядывают в мою душу, тело твое ниспослано мне Господом и люблю... слышишь? Люблю, люблю... Люблю так, словно тысяча, десять тысяч, сто тысяч Ромео не смогли бы полюбить». Это отрывок из письма Александра Грибоедова Нине Чавчавадзе. Оно было озвучено в рамках традиционных Дней Грибоедова, которые в очередной раз организовал Союз обществ взаимоотношений Грузии с Россией. Письмо вошло в книгу «Там... под горой Давида», изданную Союзом – его возглавляет Нана Цителашвили-Ермакова – в 2008 году. Интересно, что с этим пронзительным признанием в любви ее познакомил кинорежиссер Тенгиз Абуладзе, у которого текст письма хранился еще со студенческих лет. С тех пор оно стало для Наны Цителашвили настоящей реликвией.

По уже сложившейся традиции в первый день октября состоялось возложение венков к усыпальнице Александра Грибоедова и Нины Чавчавадзе. В акции приняли участие представители Союза писателей Грузии, различных партий, тбилисского филиала Всемирного конгресса, Общества Ираклия II и Союза обществ взаимоотношений Грузии с Россией.

На следующий день Александра Грибоедова и Нину Чавчавадзе вспоминали в музее-усадьбе Цинандали. С монологом Чацкого из комедии «Горе от ума» выступил актер Тбилисского академического русского драматического театра имени А. С. Грибоедова Валерий Харютченко. Состоялся камерный концерт композитора Отара Татишвили, в котором приняли участие его воспитанники. Они исполнили русские романсы Отара Татишвили, пользующиеся неизменным успехом у зрителей. О значении личности Грибоедова для Грузии говорили филолог, одна из учредителей Союза, парламентарий одного из предыдущих созывов Нани Чанишвили, литературный критик Михаил Размадзе, заместитель директора музея театра, музыки и кино Губаз Мегрелидзе, руководитель тбилисского представительства международного кинофорума «Золотой витязь» Дали Окропиридзе, депутат парламента одного из предыдущих созывов Анзор Саканделидзе, главный редактор журнала «Русский клуб» Александр Сватиков.

Завершились Дни Грибоедова гала-концертом русского романса с участием уже признанных исполнителей этого жанра Нателы Шарабидзе, Заиры Хуситашвили, Чары Джапаридзе, а также молодых – Вадима Шишкина, Вахтанга Джаниашвили (воспитанники маэстро Нодара Андгуладзе). На гала-концерте, который прошел в Доме работников искусств, вновь звучали произведения Отара Татишвили. Выступили замечательные вокалисты Марика Эбралидзе, Этери Омашвили, Лаша Гасвиани. За роялем была Нина Степанян (Тбилисская государственная консерватория имени В. Сараджишвили).

Остается добавить, что Нана Цителашвили зачитала приветственное письмо вице-мэра Москвы Людмилы Швецовоной, которая поблагодарила организаторов Дней Грибоедова за их добрые инициативы, направленные на поддержание исторических культурных взаимосвязей Грузии и России.

Инна БЕЗИРГАНОВА

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

Armavia

Արմավիա

WWW.ARMAVIA.COM